

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.2>

UDC 902.1
LBC 63.4(2)

Submitted: 22.02.2022
Accepted: 15.04.2022

KURGAN 5 OF THE NECROPOLIS “IVANOVSKIE I KURGANY” IN THE SOUTHERN URALS: CHRONOLOGY OF COMPLEXES

Sergey V. Sirotin

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper studies burial complexes of the kurgan 5 of the burial ground “Ivanovskie I kurgany” (“The Ivanovskiy 1st Kurgans”) located in the Southern Urals. The burial ground is located in the Trans-Ural regions of Bashkiria and is a part of the early nomads’ famous monuments in the Southern Urals. The kurgan necropolises located in steppe and forest-steppe zones of the Trans-Urals differ from those described in certain features of the funeral rite and clothing complexes. Researchers have repeatedly paid attention to the specifics of the monuments range in this region. A combination of various funeral rite features, diversity of funerary structures both in burial ground as a whole and in individual kurgans is the particular characteristic of the kurgan mounds of the 5th–4th centuries BC in the Trans-Ural regions. The trait is considered a sign of a transitional period. The necropolis “Ivanovskie I kurgany” can be included in the scope of such transitional period monuments. In total, 11 kurgans were recorded in the burial ground. Some of them were built in the Bronze Age (2nd millennium BC), but most were constructed by early nomads in the late Sauromatic and early Sarmatian stage. Kurgan 5, which can be attributed to the category of large ones, contained burial 4 at the heart of its structure. A wooden structure was erected over the central burial but it completely burned down when performing ritual actions in ancient times. Three more burials were identified on the kurgan periphery: a rich and varied inventory was found in the burials, moulded and pottery ceramic vessels, weapons elements (bronze arrowheads, iron dagger, iron spearhead), elements of horse equipment. Bronze mirrors, beads, and jewelry were found in women’s burials. The inventory has analogies both in the South Ural complexes and in the burials of the Middle Don. A certain part of the items dates back to a large period of 5th–3rd centuries BC, however, a separate category of items that allow to specify the dating of the kurgan within the second half of the 4th – the turn of the 4th–3rd centuries BC. In this regard, the burials from kurgan 5 can be interpreted as supporting complexes of the early nomads of the Southern Urals of the Early Prokhorov period. Association of the studied data with the nomads groups, carriers of cultural traditions of the Filippovska’s circle monuments, is an important aspect of the published materials.

Key words: Southern Urals, early nomads, Early Sarmatian culture, burial mounds, funeral rite.

Citation. Sirotin S.V., 2022. Kurgan 5 nekropolya «Ivanovskie I kurgany» na Yuzhnom Urale: hronologiya kompleksov [Kurgan 5 of the Necropolis “Ivanovskie I Kurgany” in the Southern Urals: Chronology of Complexes]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskyy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 21–51. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.2>

УДК 902.1
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 22.02.2022
Дата принятия статьи: 15.04.2022

КУРГАН 5 НЕКРОПОЛЯ «ИВАНОВСКИЕ I КУРГАНЫ» НА ЮЖНОМ УРАЛЕ: ХРОНОЛОГИЯ КОМПЛЕКСОВ

Сергей Викторович Сиротин

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье публикуются комплексы из кургана 5 могильника «Ивановские I курганы», расположенного на Южном Урале. Могильник локализуется в Зауральских районах Башкирии и относится к известным памятникам ранних кочевников Южного Урала. Курганные некрополи, расположенные в степных и лесостепных локациях Зауралья, отличаются определенными особенностями погребального обряда и веще-

вых комплексов. Исследователями неоднократно обращалось внимание на специфику круга памятников данного региона. Особенностью курганных могильников V–IV вв. до н.э. в Зауральских районах является сочетание различных черт погребальной обрядности, разнообразие погребальных конструкций как в могильнике в целом, так и отдельных курганов, что считается признаком переходного времени. К кругу таких памятников переходного времени относится некрополь «Ивановские I курганы». Всего в могильнике зафиксировано 11 курганов. Часть из них сооружены в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.), однако большинство было построено ранними кочевниками в позднесавроматскую и раннесарматскую эпоху. Курган 5 относился к категории больших курганов. В основе курганного сооружения находилось погребение 4. Над центральным погребением возводилась деревянная конструкция, полностью сгоревшая в древности при совершении ритуальных действий. На периферии в кургане выявлены еще три погребения. В погребениях найден богатый и разнообразный инвентарь: лепные и гончарный керамические сосуды, элементы вооружения (бронзовые наконечники стрел, железный кинжал, железный наконечник копья), элементы конского снаряжения. В женских погребениях найдены бронзовые зеркала, бусы, украшения. Инвентарь имеет аналогии как в южноуральских комплексах, так и в погребениях Среднего Дона. Определенная часть вещей имеет широкую датировку V–III вв. до н.э. Вместе с тем отдельные категории вещей позволяют уточнить датировку кургана в пределах второй половины IV – рубежа IV–III вв. до н.э. В этой связи погребения из кургана 5 интерпретируются как опорные комплексы ранних кочевников Южного Урала раннепрохоровского времени. Важным аспектом публикуемых материалов представляется их соотношение с группами кочевников, которые являются носителями культурных традиций памятников филипповского круга.

Ключевые слова: Южный Урал, ранние кочевники, раннесарматская культура, курганы, погребальный обряд.

Цитирование. Сиротин С. В., 2022. Курган 5 некрополя «Ивановские I курганы» на Южном Урале: хронология комплексов // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 21–51. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.2>

Введение

Во второй половине V – IV в. до н.э. в степях Южного Урала идут процессы, связанные с изменениями погребальной обрядности и состава инвентаря, которые привели в конечном итоге к формированию новых культурных традиций у ранних кочевников. Среди общего массива комплексов Южного Урала обращают на себя внимание памятники Зауральской Башкирии. Данная группа расположена узкой полосой по предгорьям восточных склонов Южного Урала, ограниченной с востока верхним (меридиональным) течением р. Урал. На своеобразии этих памятников, сочетающих в себе черты савроматской и прохоровской культур, обращал внимание А.Х. Пшеничнюк, не исключая их возможного выделения в особый локальный вариант кочевой культуры [Пшеничнюк, 1983, с. 84; Сиротин, 2017; Сиротин, 2017а]. Детальный анализ имеющегося материала показывает, что во многих относительно крупных могильниках данного района фиксируется наличие комплексов V в. до н.э. и IV в. до н.э., отличающихся по погребальному обряду и вещевым наборам. Также фиксируется своеобразное механическое смешение в могильниках комплексов савро-

матского и раннепрохоровского облика. Особенно ярко эти процессы иллюстрируются материалами могильника Переволочан I, Альмухаметово, Сибай I и II, Яковлевские, Биш-Уба и др. [Пшеничнюк, 1995; Сиротин, 2010; 2016; 2017; 2017а]. В числе таких переходных памятников Зауральских районов – курганный некрополь «Ивановские I курганы» [Пшеничнюк, 1983; Сиротин, 2017].

Могильник расположен в юго-восточной Зауральской Башкирии, в 3 км западнее с. Ивановка (Хайбуллинский район, Республика Башкортостан) (рис. 1, 1,2), на вершине ровного распаханного плато левобережья р. Сакмары. В физико-географическом отношении могильник находится в Сакмарско-Таналыкском районе, Бузавлыкско-Таналыкском южностепном мелкосопочно-равнинном округе степной провинции области Зауральского пенеplена. Данная часть пенеplена является степной, отличается засушливым климатом, обедненными ковыльно-разнотравными степными пространствами, однако по мере приближения к руслу Сакмары рельеф становится более увалистым с высотами 350–500 м [Физико-географическое районирование ... , 1964, с. 177–178, 184; Сиротин, 2017]. Некрополь располагается на площадке высокого сырta, за которым начи-

наются резкие, обрывистые спуски к р. Сакмара, русло которой находится в 4–6 км западнее (рис. 2,1).

В окрестностях с. Ивановка в 1974 г. экспедицией Башкирского филиала АН СССР под руководством А.Х. Пшеничнюка было выявлено пять курганных групп. Четыре кургана группы «Ивановские I курганы» А.Х. Пшеничнюк исследовал в том же 1974 году. В исследованных курганах были выявлены погребения срубно-алакульской культуры (курганы 1, 4) и савроматской культуры (курганы 1–3) [Пшеничнюк, 1983, с. 35–37]. В 2013–2016 гг. могильник исследовался С.В. Сиротиным (курганы 5–11) [Сиротин, 2014; 2015а; Сиротин, 2017].

Всего могильник насчитывал 11 курганов, расположенных двумя группами на курганном поле. Насыпи курганов округлые в плане, диаметром от 10 до 40 м, высотой от 0,25 до 2,03 м. Одна группа курганов (1–4, 7, 8) сконцентрирована в юго-восточном участке курганного поля, другая группа курганов (5, 9–11) располагалась в 500–700 м к северу и представляла собой неправильную цепочку, вытянутую в направлении ВСВ–ЗЮЗ (рис. 1,2). Некрополь полностью исследован. Материалы могильника позволяют проследить культурно-хронологические этапы его сооружения. Это отражается в планиграфической системе расположения курганов, размещении впускных погребений, а также в хронологии инвентаря [Сиротин, 2017].

Комплексы срубно-алакульской культуры были выявлены в курганах 1, 4, 6, 7. В курганах 1, 6, 7 были найдены впускные погребения ранних кочевников. Курганы 1, 2, 5, 8–11 содержали только раннекочевнические комплексы. Погребения из курганов 1–3 А.Х. Пшеничнюк относил к савроматскому времени [Пшеничнюк, 1983, с. 88]. Западная ориентировка костяков (погр. 1 кург. 1, погр. 1 кург. 2, погр. 1 кург. 3), характерный инвентарь, представленный железным кинжалом с бабочковидным перекрестьем, плоскодонной и круглодонной лепной керамической посудой савроматского облика, позволяет датировать эти погребения широко в пределах V в. до н.э. [Пшеничнюк, 1983, табл. XXVII, с. 160; Смирнов, Петренко, 1963, табл. 8–11; Гуцалов, 2004, табл. 20, с. 61]. Эти комплексы являются наиболее ранними из раннекочевнических погребений в данном могильнике. Верхнюю хроно-

логическую границу некрополя определяют курганы 5, 9–11, датирующиеся в пределах второй половины IV – рубежа IV–III вв. до н.э. [Сиротин, 2017, с. 138].

Археологический контекст

Курган 5 являлся самым северным в группе (рис. 1,2). Насыпь кургана полусферическая, округлая в плане, задернована. На поверхности фиксировались норы диаметром до 0,5 м. В большей степени норы и выброшенный из нор грунт (чернозем с густой примесью прокаленной почвы и примесью материковой глины) отмечены в северной поле.

Высота насыпи от современной поверхности южной подошвы кургана в самой высокой точке (нулевой отметки), находящейся в 4 м к северу от условного центра современной насыпи кургана, составила 1,65 м.

Исходя из анализа стратиграфии бровок (рис. 3,1,2) было выяснено, что в основе курганной насыпи находился курган, возведенный над центральным погребением с предполагаемыми размерами 20,5 × 19,4 м, с вероятной высотой до 1,3–1,4 м, центр которого находился ориентировочно в 1,8–2 м северо-западнее условного центра современной насыпи. В центральной части первоначальной насыпи зафиксированы следы мощного горения (деревянной конструкции?) в виде сильно прокаленного грунта. Вероятнее всего, в связи с сооружением впускных погребений 1, 2, 3 курган был достроен до современных размеров.

В процессе снятия насыпи в южной поле (рис. 2,2), на уровне погребенной почвы были найдены: два фрагмента соединенных между собой железных удил (длина до 6 см, сечение 0,4–0,5 см) (рис. 4,1) и звено с загнутыми в петли окончаниями из подквадратного в сечении железного прута (длина 15,3 см, сечение 0,5 см) (рис. 4,2).

При исследовании юго-западного сектора кургана, в 14,5 м к ЗЮЗ от условного центра кургана, на погребенной почве был найден уздечный набор (рис. 2,2), в состав которого входили железные двусоставные удила (длина 12,3 и 9,4 см, сечение 0,5–0,6 см) (рис. 4,3), железный налобник (наносник) в виде лопасти, имеющий загнутое навершие с шишечкой на окончании (длина до 8,5 см, се-

чение 0,5 см) (рис. 4,4), железные двудырчатые стержневидные псалии (длина 13,2 и 13,5 см, сечение 0,5–0,9 см) (рис. 4,5). Помимо этого, в насыпи кургана было найдено пряслице, изготовленное из стенки керамического сосуда (рис. 4,6).

Погребение 1 (впускное) (рис. 5,1) было обнаружено в восточной поле кургана в 8,5 м юго-западнее условного центра кургана (рис. 2,2). Входная яма неправильной, подпрямоугольной формы с закругленными углами была ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Яма имела длину до 2,3 м. Реконструируемая ширина входной ямы в центральной части могла составлять до 1,35 м. Глубина входной ямы (по северо-западной стенке) составила до 0,75 м. В северном углу, на дне входной ямы, был найден лепной керамический сосуд (рис. 5,1, позиция на плане 1). Лепной горшок (рис. 5,2) с резко отогнутым венчиком (высота сосуда 21 см, диаметр венчика 10,5 см, диаметр шейки 9,3 см, диаметр тулова 18,5 см, диаметр дна 10,5 см). Поверхность серого цвета с черными пятнами, слегка заглажена. В глине примесь талька. По верхней части тулова орнаментирован тремя каннелюрами, ниже которых расположены заштрихованные гирлянды из вдавлений гладкого штампа. На тулове имеются сквозные отверстия.

Подбой был устроен в длинной (северо-восточной) стенке могилы. Уровень дна входной ямы находился выше уровня дна погребальной камеры (на 0,35 м), образуя предвходовую ступень неправильной подтрапецевидной формы (длиной до 2,35 м, шириной 0,9–1,2 м) с закругленной стенкой. Погребальная камера имела удлиненно-овальную форму с закругленными стенками. Ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Длина погребальной камеры по линии дна 2,4 м, ширина до кромки предвходовой ступени по линии дна 1,1 м. Дно ровное, имеет незначительное понижение к югу. Камера имела сводчатый потолок. Высота потолка на входе в камеру могла составить до 0,7–0,75 м.

На дне погребальной камеры был найден скелет женщины 25–30 лет¹. Погребенная располагалась в центральной части погребальной камеры, ближе к стенке подбоя, в вытянутом на спине положении, головой на ЮВ.

В 0,25 м от левой плечевой кости, на дне погребальной камеры, около предвходовой ступени были найдены компактно уложенный набор (рис. 5,1, позиция на плане 2), в который входили сломанная костяная ложечка (длина 8,1 см, ширина ручки 0,7 см) (рис. 5,3), ископаемая раковина (3,8 × 1,5 × 0,7 см) (рис. 6,1), обломок белемнитового стержня с заостренным концом (длина 4,9 см, ширина 1,3 см, толщина 0,6 см) (рис. 6,2), костяная трубка (длина 5,6 см, ширина 1,2 × 1,4 см, диаметр отверстия 0,8–0,9 см) (рис. 6,3).

В 0,17 м от левого плеча были найдены сильно коррозированные фрагменты железного предмета (нож?) (общая длина фиксируемых фрагментов 20 см) (рис. 5,1, позиция на плане 3). Здесь же была найдена железная игла-проколка (длина 4,5 см, сечение 0,3 см) (рис. 5,1, позиция на плане 4, рис. 6,4) и усеченно-полусферическая бронзовая ворворка с отверстием в центре (диаметр 1,8–1,9 см, толщина 0,2 см, диаметр отверстия 0,8 см) (рис. 5,1, позиция на плане 5, рис. 6,5).

В 0,18–0,2 м к югу от черепа было найдено бронзовое зеркало в виде диска с валиком по краю, отлитого вместе с ручкой (рис. 5,1, позиция на плане 6, рис. 6,7). Центральная часть диска орнаментирована шестилепестковой розеткой, вписанной в окружности. Зеркало было уложено в сломанном виде (диск из двух фрагментов и ручка). Длина ручки 9,2 см, ширина у основания 2,9 см, ширина у диска 1,3 см, диаметр диска 14 см.

Рядом с зеркалом была найдена крупная дисковидная бусина (подвеска?) из белого мрамора (диаметр диска 2,2 см, толщина 0,7 см, диаметр отверстия 0,7 см) (рис. 5,1, позиция на плане 7; рис. 6,6) и бронзовая литая крупная игла-проколка с характерным рифлением на конце (длина проколки 5,1 см, толщина до 0,6 см) (рис. 5,1, позиция на плане 8, рис. 6,8).

Около юго-восточной стенки в 0,08 м от зеркала было найдено бронзовое колесико-амулет (подвеска?) (диаметр 2,5 см, толщина 0,4 см) (рис. 5,1, позиция на плане 9, рис. 7,1).

При расчистке костяка в области шейных позвонков и грудной клетки были найдены бусы²: одна круглая уплощенная глазчатая бусина из стеклянной пасты (диаметр 0,85 см, высота 0,55 см, диаметр отверстия 0,45 см), одна плоская глазчатая бусина из стек-

лянной пасты (1,3 × 1 см, высота 0,65 см, диаметр отверстия 0,45 см), четыре распределителя треугольной формы (один сломан) из мягкого белого камня (три 0,85 × 0,7 × 0,5 см – 0,1 × 1 см, один сломанный 0,6 × 0,3 × 0,3 см; толщиной 0,25–0,37 см), бисер (диаметр 0,3–0,35 см, 2 экз.), одна квадратная бусина из пирита (0,4 × 0,29 × 0,49 см) (рис. 5,1, позиция на плане 11, рис. 7,2).

На груди были найдены одна бронзовая плоская бляшка из двух кружков с прямоугольной петлей на обороте (длина 2,6 см) и три бронзовые нашивные полусферические бляшки (диаметр 1,4–1,5 см) (рис. 5,1, позиция на плане 2, рис. 7,3,4).

На руках погребенной были найдены проволочные браслеты (рис. 5,1, позиция на плане 12; рис. 7,5а,б). Браслет с левого предплечья 6,1 × 3,7 см, сечение 0,2–0,3 см (рис. 7,5а). Браслет с правого предплечья 6,5 × 3,8 см, сечение 0,2–0,3 см (рис. 7,5б). Около правого запястья фиксировался пучок истлевших (тростниковых?) прутиков. Фиксируемая длина 10–15 см. На правом крыле костей таза была найдена бронзовая игла длиной 4,4 см, сечение 0,1 см (рис. 5,1, позиция на плане 13, рис. 8,2). Около костей кисти правой руки был найден железный колчаный крючок (длина 5 см) (рис. 5,1, позиция на плане 14, рис. 8,1). Около правого бедра был найден набор бронзовых наконечников стрел с остатками древков (рис. 5,1, позиция на плане 15). Набор включал 67 наконечников с выступающей втулкой и 7 наконечников со скрытой втулкой (рис. 8,3). Около костей правой стопы были найдены две обработанные кости зайца, длиной 12,4–14,4 см, диаметром 0,6–0,8 см (рис. 5,1, позиция на плане 16, рис. 8,4), выполняющие функции ритуальных предметов.

Погребение 2 (впускное) (рис. 9,1) выявлено в 5,5 м к востоку от условного центра кургана (рис. 2,2). Конструктивно яма относится к подбойным могилам. Входная яма была ориентирована по линии С–Ю. Длина входной ямы могла составлять до 2,65 м, ориентировочная ширина входной ямы – до 1,2 м. Яма углублена в материк до 1 м. Северо-западный угол и северная стенка входной ямы были разрушены входной ямой катакомбы погребения 3.

Заполнение входной ямы состояло из рыхлой смеси желтого материкового песка, светло-коричневой материковой глины с незначительной концентрацией гумуса. Подбой был устроен в длинной восточной стенке могилы. Погребальная камера неправильной подпрямоугольной формы с закругленной и неровной восточной стенкой, была ориентирована длинной осью, также как и входная яма, – по линии С–Ю. Длина погребальной камеры 2,35 м, ширина – до 1,4 м. Глубина камеры от уровня материка – до 1,2 м. Фиксируемая высота сводчатого потолка составила около 0,7–0,75 м. Высота потолка на входе в камеру могла составить до 0,9–0,95 м.

На дне погребальной камеры был расчищен скелет мужчины 30–40 лет. Погребенный лежал в вытянутом на спине положении, головой на юг. Кости удовлетворительной сохранности, лежали в анатомическом порядке. Линия позвоночного столба находилась под небольшим углом и была несколько смещена по отношению к линии ног. Кости правой руки слегка согнуты в локтевом суставе. Кости стоп вытянуты вдоль линии костяка и сходятся под углом.

Около южной стенки, в 0,2 м юго-восточнее черепа, был найден лепной керамический сосуд (высота 22,5 см, диаметр венчика 10,8 см, диаметр шейки 9,8 см, диаметр горла 21 см) (рис. 9,1, позиция на плане 1). Круглодонный лепной горшок (рис. 9,2) с округлым туловом и резко отогнутым высоким венчиком. Поверхность оранжевого цвета с черно-серыми пятнами в нижней части тулова слегка заглажена. В глине примесь песка. Внутренняя поверхность венчика декорирована тремя каннелюрами. По верхней части тулова сосуд орнаментирован тремя горизонтальными узкими каннелюрами. Ниже каннелюр нанесен зигзаг из двух параллельных линий. Рядом с сосудом были расчищены ребра животного (лошади?).

В 0,08–0,1 м от правого плеча были найдены сильно коррозированные фрагменты железного (ножа?) и 8 кусочков горного хрусталя (3 × 1,3–9,3 × 5,2 см). Около правой кисти был найден железный кинжал с дуговидным перекрестьем и слабоизогнутым навершием, уложенный острием к голове погребенного (рис. 9,1, позиция на плане 2, рис. 9,3). Длина кинжала 48,7 см, ширина лезвия 4 см,

толщина – до 0,7 см, длина рукояти 7,5 см, сечение рукояти 3 × 1 см.

Около перекрестья кинжала была найдена бронзовая ворворка (диаметр 1,9 см, диаметр отверстия 0,5–0,7 см) (рис. 9,1, позиция на плане 3, рис. 9,4); в 0,2 м восточнее коленного сустава был найден железный колчанный крючок с утолщением на конце и круглым отверстием (длина 6,1 см) (рис. 9,1, позиция на плане 4, рис. 9,5); рядом лежала литая бронзовая застежка бочонковидной формы с отверстием в центре и плоскими шляпками на окончаниях (длина 2,5 см, диаметр 0,6–1 см) (рис. 9,1, позиция на плане 5, рис. 9,6). Около костей правой стопы были расчищены бронзовые наконечники стрел (22 экз.) с остатками древков (рис. 9,1, позиция на плане 6): 18 наконечников с выступающей втулкой, 4 наконечника со скрытой втулкой (рис. 9,7). Около северной стенки, в углу предвходовой ступени, лежали ребра животного (лошади?).

Погребение 3 (впускное) (рис. 10,1,1a) выявлено в восточной поле кургана в 3 м к ВСВ от условного центра (рис. 2,2). Входная яма представляла собой вертикальную шахту (диаметр около 1 м) глубиной от 1,07 до 1,25 м от материковой поверхности. При сооружении данного погребения был разрушен северо-западный угол и часть северной стенки входной ямы погребения 2.

Конструктивно погребение 3 относится к катакомбам. В погребальную камеру вел широкий пологий дромос, точные размеры которого установить достаточно сложно ввиду обвалившегося свода. Вероятнее всего, дромос был длиной около 0,8–1 м и ориентирован по линии СЗ–ЮВ. Перепад высот в дромосе от реконструируемой границы входной ямы до условных границ погребальной камеры составил до 0,06 м. Дно дромоса перед входом в погребальную камеру образовывало ступень высотой до 0,08 м.

Погребальная камера была устроена в северо-западной части катакомбы, имела вытянутую неправильную овальную форму с неровной задней (северо-западной) стенкой. Длинной осью погребальная камера находилась перпендикулярно к оси дромоса и была ориентирована по линии СВ–ЮЗ.

Вдоль северо-западной стенки камеры была устроена своеобразная ступень непра-

вильной формы длиной до 1,9 м, шириной до 0,4 м, высотой от уровня дна погребальной камеры до 0,4 м.

Погребальная камера имела размеры 3,2 × 1,4 м, с учетом ступени в северо-западной стенке ширина могла составлять до 1,7 м. Высота сводчатого потолка могла составлять до 0,92–0,94 м. Дно камеры углублено в материк до 1,4–1,42 м.

Общая длина катакомбы по линии СЗ–ЮВ с учетом условно реконструируемой границы входной ямы составила 3,7 м. На дне погребальной камеры был обнаружен костяк женщины 35–50 лет, который лежал в вытянутом на спине положении, головой на ЮЗ. У него прослеживались остатки прямоугольной рамы (погребальное ложе?) из деревянных жердей очень плохой сохранности. Судя по фрагментам и древесному тлену, рама имела длину до 2,2 м, ширину – до 0,55 м.

Кости плохой сохранности, лежали в анатомическом порядке. Кости правой ноги были слегка подогнуты.

При исследовании ямы погребения был найден лепной керамический сосуд (рис. 10,1, позиция на плане 1, рис. 10,2), лежащий на боку (высота 21,5 см; диаметр венчика 10,2 см; диаметр шейки 9,3 см; диаметр тулова 20 см). Фрагментированный круглодонный лепной горшок с округлым туловом и резко отогнутым высоким венчиком. Поверхность серого цвета, с черными пятнами в нижней части тулова, слегка заглажена. В глине примесь талька. По верхней части тулова орнаментирован тремя слабо выраженными каннелюрами, ниже которых нанесен зигзаг из трех параллельных линий. Ниже прочерчены линии разнонаправленного зигзага, образующие сетку.

В 0,2 м к югу от черепа было найдено бронзовое зеркало (рис. 10,1, позиция на плане 2, рис. 10,3), отлитое вместе с ручкой. Тыльная сторона диска орнаментирована плохо читаемым (не завершенным?) орнаментом, в виде заточкованных треугольников. Окончание ручки оформлено в виде овала. Длина зеркала 27,4 см, диаметр диска 17 × 16 см, ширина ручки 3,4 см, овал на конце ручки 5,3 × 3,3 см.

Под зеркалом были найдены: бронзовое колесико-амулет (диаметр 3,1 см, толщина 0,3 см) (рис. 10,1, позиция на плане 3, рис. 10,4);

железная игла-проколка (?) (длина 5,3 см, сечение 0,3 см) (рис. 10,1, позиция на плане 4, рис. 10,5); четырехгранный камень (длина 11,5 см, сечение 2,3 × 2,6 см) (рис. 10,1, позиция на плане 5, рис. 10,6); фрагмент косточки (человека?) (рис. 10,1, позиция на плане 6); фрагменты железного ножа (длина 13,9 см, сечение 1–1,6 × 0,4–0,65 см) (рис. 10,1, позиция на плане 6, рис. 10,7).

Около черепа (с правой и левой стороны) были найдены две серьги-подвески (рис. 10,1, позиция на плане 8, рис. 11,1,2), изготовленные из серебряной проволоки, загнутой в 1,5 оборота. Диаметр 3,5 × 1,3 см, 3,2 × 3, сечение 0,15–0,2 см.

На шее погребенной женщины была найдена гривна (18,8 × 16,4 см, сечение 0,5–0,6 см) из железного обруча в 1,5 оборота, обернутого золотым листом (рис. 10,1, позиция на плане 9, рис. 11,1,3).

В области правого запястья были найдены бусы (рис. 10,1, позиция на плане 10, рис. 11,4): бусина в форме линзы из сердолика (1,4 × 1,8 см, толщина 0,5 см); бусина в форме линзы из агата (1 × 1,4 см, толщина 0,4 см); золотая бусина-пронизь 0,6 × 0,65 см; круглая бусина (стеклянная паста?) 0,65 × 0,55 см; глазчатая бусина (стеклянная паста), диаметр 0,95, высота 0,7 см; прямоугольные и квадратные бусы (длина 0,3–0,7 см, сечение 0,2 × 0,2–0,4 × 0,2 см, пирит, 6 экз.), пронизь (диаметр 0,45, высота 0,5 см, пирит); пронизь (0,9 см, диаметр 0,15–0,2 см, серебро?).

В области левого запястья (рис. 10,1, позиция на плане 11, рис. 11,5): плоская бусина (0,9 × 1,1 см, толщина 0,4 см, стеклянная паста?); бисер (0,3 × 0,2 см, стеклянная паста, 5 экз.); квадратная бусина (0,5 × 0,45 см, пирит).

Около северной стенки в нише, в 0,2 м от костей стоп, был найден круговой керамический сосуд (рис. 10,1, позиция на плане 12, рис. 11,6) хорезмийского производства (высота 32 см; диаметр венчика 11,5 см; диаметр тулова 25,7 см; диаметр дна 19,3 см). Плоскодонный гончарный сосуд хорошего обжига, с плавным округленным туловом и резко отогнутым раздутым венчиком. Поверхность покрыта красно-оранжевым ангобом.

Погребение 4 (центральное) (рис. 12,1) выявлено в центральной части кургана

(рис. 2,2). Конструктивно погребение относится к катакомбам. Вследствие неоднократных ограблений размеры входной ямы могут быть реконструированы условно.

Входная яма представляла собой вертикальную шахту округло-овальной формы с закругленными стенками, которые сужались ко дну. Входная яма имела усредненные размеры 1,9 × 2,03 м и была углублена в материк по северной стенке на 1,52 м. Дно входной ямы имело плавное понижение к югу (перепад высот 0,02–0,09 м), образуя короткий ход-дромос (1,2–1,4 м) в погребальную камеру. Южный край хода был скошен и выступал в качестве предвходовой ступени высотой от уровня дна погребальной камеры 0,73 м.

Погребальная камера была устроена в южной части катакомбы, имела неправильную широкую прямоугольную форму, со скругленными углами и неровными стенками. По дну камера имела размеры 3,6 × 2,9 м. Длинной осью погребальная камера была ориентирована по линии С–Ю. Реконструируемая высота свода могла составлять до 1,7–1,8 м.

Дно погребальной камеры ровное, углублено в материк до 2,34–2,44 м. С учетом повреждений в северной части общая длина катакомбы по материковой поверхности составила до 5,75 м, по дну – 6,18 м. Ширина – до 3,9 м.

В заполнении ямы на разной глубине были найдены: каменное пряслице (пронизь?) усеченно-конической формы (диаметр 3 см, высота 1,25 см, диаметр отверстия 0,65 см) (рис. 12,1, позиция на плане 1, рис. 12,2); бронзовое колесико-амулет (диаметр 2,55 см, толщина 0,5 см) (рис. 12,1, позиция на плане 2; рис. 12,3); ворворка удлиненно-конической (грушевидной) формы, изготовленная из горной породы (высота 1,6 см, диаметр 1,25–1,9 см, диаметр отверстия 0,7 см) (рис. 12,1, позиция на плане 3, рис. 12,4); бусина из сердолика (длина 2,1 см, диаметр до 0,7 см) (рис. 12,1, позиция на плане 4, рис. 12,5); железный колчаный крючок (длина 5,4 см) (рис. 12,1, позиция на плане 5, рис. 12,6).

На дне погребальной камеры в 0,25–0,3 м к западу от восточной стенки был обнаружен фрагментированный череп женщины 35–50 лет. Кроме того, в юго-западной части погребальной камеры на дне были найдены от-

дельные кости (обломки ребер и трубчатых костей) человеческого скелета.

В юго-восточном углу погребальной камеры был обнаружен сломанный наконечник копья (рис. 12,1, позиция на плане 6, рис. 12,7). Длина сохранившейся части пера 26,3 см, ширина – до 4,5 см, толщина – до 0,7 см. Длина сохранившейся части втулки 14,9 см, диаметр – 2,4–3,4 см.

Погребальный обряд и конструктивные особенности кургана 5

В основе погребального сооружения кургана находилось погребение 4 (центральное). В центральной части подкурганной площадки была сооружена катакомба, оказавшаяся на момент исследования разрушенной в результате неоднократных ограблений. Над центральной могилой возводилась первоначальная насыпь, имеющая, судя по стратиграфической картине контрольных бровок, на момент досыпки кургана в связи с сооружением впускных погребений полусферическую и округло-овальную (практически округлую) в плане форму. Реконструируемые размеры первоначальной насыпи могли составлять 20,5 × 19,4 м, с вероятной (условно реконструируемой) высотой до 1,3–1,4 м. Насыпь возводилась из гумуса (дерновых блоков?) с примесью материковой глины. Стратиграфической и, соответственно, конструктивной особенностью первоначальной насыпи является наличие прокаленного грунта в центральной части, мощностью до 1,4 м. Реконструируемая по контрольным бровкам площадка с прокаленным грунтом имела неправильную форму с условным диаметром до 14 м.

Каких-либо остатков деревянной конструкции при исследовании кургана не выявлено. В насыпи встречались отдельные включения угля. Большой концентрации прокаленный грунт фиксируется ближе к центру и к уровню погребенной почвы, причем в центральной части прокал погребенной почвы достигает материка.

Впускные погребения были совершены на периферии первоначальной насыпи. Входная яма погребения 1 была устроена на условно реконструируемой границе, у подножия первоначальной насыпи, юго-западнее цент-

рального погребения, вероятнее всего, до времени досыпки курганной насыпи. Входная яма погребения 2 была устроена к востоку от центрального погребения в пределах первоначальной насыпи практически на границе площадки прокаленного грунта. Примечательно, что подбой был устроен в направлении от центра, но в пределах реконструируемых границ первоначальной насыпи. Погребение 3 было сооружено позже погребения 2, по всей видимости, спустя очень непродолжительное время. Как уже отмечалось, входная яма достаточно точно вписывается в северо-западный угол входной ямы погребения 2, не нарушая целостности самого погребения. Объяснить такую точность правильного попадания можно лишь тем, что при строительстве катакомбы входная яма погребения 2 визуальнo хорошо прослеживалась. Причем входная яма была закрыта, поскольку на материковой поверхности фиксировались четкие контуры входной ямы погребения 3. Стратиграфия контрольных бровок III и IV показала, что выделявшиеся цветом заполнения входных ям погребений 2 и 3 фиксировались не по всему вертикальному контуру профиля, а чуть выше уровня погребенной почвы.

В этой связи можно предположить, что достройка курганного сооружения производилась после совершения захоронения в погребении 3. Причем достройка насыпи осуществлялась в восточном и южном направлении, полностью перекрывая впускные погребения.

Погребения 1 и 2 относятся к категории подбойных могильных сооружений. Могильные ямы такой конструкции появляются еще в V в. до н.э. Вместе с тем массовое распространение подбойных могил с ориентировкой погребенных в южный сектор является отличительной чертой погребальной обрядности южноуральских номадов IV в. до н.э. [Мошкова, 1974, с. 17; Гуцалов, 2004, с. 105].

Погребение 3, совершенное в катакомбе, по устоявшейся типологии относится к I типу [Мошкова, Малашев, 1999, с. 173–174]. В этих сооружениях ось погребальной камеры (либо ось погребенного) перпендикулярна оси входной ямы. Основная часть таких могильных сооружений на Южном Урале имеет датировку IV – начало III в. до н.э. [Мошкова и др., 2011, с. 166]. Сложнее определить тип

могильной ямы погребения 4, вследствие многочисленных разрушений при ограблениях. Вместе с тем исходя из планиграфической ситуации есть все основания отнести данное погребение к категории катакомб I типа [Мошкова, Малашев, 1999, с. 173].

Особого внимания заслуживает сгоревшая деревянная конструкция в курганном сооружении. Следы горения деревянных конструкций достаточно часто фиксируются в раннекочевнических комплексах Южного Урала конца VI – IV в. до н.э. Применительно к раннепрохоровским комплексам особо следует выделить курганы таких некрополей, как Филипповка 1, Переволочан I и др. [Пшеничнюк, 1983; 1995; 2012; Сиротин, 2010; Яблонский, 2013; Сиротин и др., 2019]. Однако необходимо отметить, что в курганах некрополей, где выявлены следы огня, деревянная конструкция горела без доступа воздуха, благодаря чему бревна лишь обуглились, что позволило проследить характер надмогильного перекрытия.

Применительно к рассматриваемому кургану следует обратить внимание на то обстоятельство, что деревянная конструкция выгорела полностью. Дерево не сохранилось, и характер надмогильного сооружения определить не удалось. Судя по округлому в плане и полусферическому в разрезе контуру прокаленного грунта, в центральной части кургана конструкция, вероятнее всего, имела радиальный характер. На Южном Урале подобная ситуация зафиксирована в кургане 2 этого же могильника и в курганах некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» [Пшеничнюк, 1983; Сиротин, 2017; Сиротин и др., 2020].

К настоящему времени однозначного ответа на вопросы, связанные с горением надмогильных сооружений в курганах ранних кочевников Южного Урала, нет. Одни исследователи связывают поджог деревянной конструкции с действиями грабителей [Пшеничнюк, 1995, с. 93–94; 2012, с. 66; Таиров, 2014], другие считают их принадлежностью погребального ритуала.

Следует отметить, что обе эти версии не вполне объясняют своеобразную избирательность в совершении огненного ритуала или же поджога в результате грабежа, поскольку не все деревянные конструкции в кур-

ганах некрополей имели признаки горения. Возможно, огненный ритуал при совершении обрядовых действий полагался определенной группе, но увязать это достоверно с социальным или культовым статусом умерших сложно. На наш взгляд, в данной ситуации можно предполагать наличие определенного этнографического элемента, связанного с применением огненных практик в системе погребальной обрядности могильников Филипповка 1, Переволочан I, «Ивановские I курганы», «Высокая Могила – Студеникин Мар» и ряда других [Сиротин, 2017; Сиротин и др., 2018; 2019]. Трудно объяснить и разницу в характере горения надмогильных сооружений. Как уже отмечалось выше, в некрополях отчетливо фиксируется группа курганов с обугленными конструкциями, когда горение осуществляется без доступа воздуха (Филипповка 1, Переволочан I) и группа курганов, где конструкция выгорела полностью, не испытывая недостатка кислорода (могильники «Высокая Могила – Студеникин Мар», «Ивановские I курганы»). Вероятно, такая ситуация могла быть связана с конструктивными особенностями надмогильного сооружения и курганной насыпи. В этом случае в условиях горения надмогильного перекрытия кислорода было достаточно, в отличие от курганов с обугленными конструкциями [Сиротин и др., 2020, с. 210]. Достоверно установить характер конструкции и время поджога в условиях тотального горения представляется маловероятным. Возможно, доступ воздуха обеспечивался специальными воздушными каналами, специфической архитектуры сооружения, поджогом конструкции до возведения основной земляной насыпи и т. д. Однако очевидно, что конструктивно курганы с тотально выгоревшими деревянными перекрытиями отличались от курганных сооружений с обугленными без доступа воздуха конструкциями.

Анализ инвентаря и хронология комплексов

Определенная часть вещевого материала исследованных комплексов датируется достаточно широко. Железные двусоставные удила (наборы из насыпи) (рис. 4, 1–3) бытуют в составе конского снаряжения кочевников на

протяжении длительного времени. Они известны как в составе погребальных комплексов, так и в качестве жертвенных комплексов, единичных находок на обширных пространствах евразийской степи скифо-сарматского времени [Смирнов, 1961, с. 82; Мошкова, 1963, с. 36; Савченко, 2009, с. 228, 230].

Бронзовые наконечники стрел из погребений 1 и 2 (рис. 8,3, 9,7) широко представлены в колчаных наборах ранних кочевников Южного Урала V–III вв. до н.э. Вместе с тем абсолютное преобладание в рассматриваемом наборе наконечников вытянутых пропорций, практическое отсутствие в нем массивных наконечников со сводчатой головкой ранних типов, датирующихся V – началом IV в. до н.э., его типологическая тождественность хорошо известным раннепрохоровским комплексам позволяет рассматривать данный колчаный набор в пределах второй половины IV – начала III в. до н.э.

Колчаные крючки, найденные в погребениях 1, 2, 4 (рис. 8,1, 9,5, 12,6), являются частой находкой в мужских раннекочевнических погребениях. Подобные крючки с характерным отверстием в спинке, по мнению В.Н. Васильева, могут выступать в качестве хроноиндикаторов [Васильев, 2004, с. 158].

Как принадлежность воинской амуниции колчаные крючки появляются в VII–VI вв. до н.э. и продолжают существовать до III–II вв. до н.э. Наибольшее распространение они получают в V–IV вв. до н.э. [Мышкин, 2010, с. 267] и хорошо маркируют раннепрохоровский комплекс инвентаря.

Бронзовые колесики хорошо известны в погребениях южноуральских кочевников VI–III вв. до н.э. К настоящему времени данная категория предметов известна на широкой территории от лесостепной и степной Скифии до Синьцзяня. В.К. Федоровым учтено более 70 находок, из которых около 40 происходит с территории Южного Урала [Федоров, 2018, с. 22]. Наиболее близкие аналогии колесикам, найденным в погребениях кургана 5 (рис. 7,1, 10,4, 12,3), имеются в южноуральских комплексах V–IV вв. до н.э. [Федоров, 2018, рис. 2,2,6–10,12,13, 3,3,4,7,8].

Костяные ложечки также являются достаточно распространенной категорией инвентаря в погребениях южноуральских номадов

VI–III вв. до н.э. Костяная ложечка из погребения 1 (рис. 5, 3) имеет наиболее близкие аналогии среди комплексов IV–III вв. до н.э. [Федоров, 2013, рис. 2,47,50,52,54,62].

В пределах IV – начала III в. до н.э. датируются серьги из погребения 3 (рис. 11,2) [Мошкова, 1963, с. 44, табл. 29; Лылова, 2020, с. 153, рис. 2, 3].

Вызывает интерес найденная в области грудных костей бронзовая плоская бляшка из двух кружков с петлей на обороте (рис. 7,3). Подобные бляшки известны в комплексах Среднего Дона IV в. до н.э. и трактуются как части поясного набора [Савченко, 2004, с. 228, рис. 25,3,5,6–8,15–17,20–23].

Некоторые категории инвентаря позволяют уточнить датировку погребений кургана 5 в рамках второй половины IV – рубежа IV–III вв. до н.э.

Железные двудырчатые стержневидные псалии (рис. 4,5) в уздечном наборе из насыпи кургана с восьмеркообразным утолщением по центру и концами, оформленными утолщениями, относятся по типологии К.Ф. Смирнова к IV типу [Смирнов, 1961, с. 86] и имеют аналогии в южноуральских комплексах (см. обзор: [Сиротин, 2015, с. 252; Савельев, 2007; 2020]). Псалии данного типа получают распространение с IV в. до н.э., характерны для комплексов второй половины IV в. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 86; Васильев, 2004, с. 157; Сиротин, 2015; 2017]. Подобные псалии найдены в комплексах второй половины IV в. до н.э. в Подонье [Савченко, 2009, рис. 4,3,7, 5,8].

Обращает на себя внимание железный налобник (рис. 4,4) с загнутым в петлю навершием с шишечкой на окончании. Находки таких налобников известны в раннепрохоровских и кара-абызских комплексах Южного Урала [Пшеничнюк, 1976, 46, 47, рис. 9,1,2; Смирнов, 1964, с. 332, рис. 38,6,7; Савельев, 2007, с. 339, рис. 1,8–10; 2020; Яблонский, 2008, с. 176, рис. 3,6,7; 2013, с. 226, № 3144; Сиротин, 2010, с. 332, 333, рис. 6,5; 2015, с. 249, 251, рис. 2,6, 3,7]. Более широко такие налобники (наносники?) представлены во второй половине IV в. до н.э. на Среднем Дону [Савченко, 2009, с. 258–260; Гуляев и др., 2020, рис. 4,5]. Для Южного Урала В.Н. Васильев датирует их второй половиной или концом IV в. до н.э. [Васильев, 2004, с. 157].

При рассмотрении хронологии комплексов из кургана 5 следует обратить внимание на короткий меч или кинжал переходного типа, найденный в периферийном погребении 2 (рис. 9,3). Часть исследователей датируют данные образцы клинкового оружия применительно к Южному Уралу достаточно широко, время появления ранних образцов таких мечей определяется второй половиной V в. до н.э., а периодом их наибольшего распространения считается IV до н.э. [Смирнов, 1961, с. 30; 1981, с. 84; Мошкова, 1963, с. 33; Клепиков, 2002, с. 27; Таиров, 2020, с. 186–187].

Вместе с тем наиболее представительную серию комплексов, содержащих мечи переходного типа с характерным набором раннепрохоровского инвентаря, В.Н. Васильев относит к последней четверти IV в. до н.э. [Васильев, 2004, с. 153]. По мнению В.Н. Васильева, Г.Т. Обыденновой и В.К. Федорова, время бытования мечей переходного типа следует ограничить периодом в 40–50 лет, и хронологически они укладываются в диапазон второй / третьей четверти IV в. до н.э. – начала III в. до н.э. [Васильев и др., 2019, с. 102]. Данная позиция, на мой взгляд, выглядит наиболее предпочтительной. Следует отметить, что к настоящему времени верхняя граница бытования мечей переходного типа в пределах начала III в. до н.э. не вызывает возражений среди исследователей [Таиров, 2020, с. 187].

Обращают на себя внимание бронзовое зеркало из погребения 1 (рис. 6,7). По оформлению диска оно относится к серии типа «Темир» [Васильев, 2004, с. 159, 162, 167, рис. 3,8–11; Таиров, 2018, с. 354, рис. 1,7–8]. Морфологически эти зеркала очень близки к типу 5.3 по классификации А.С. Скрипкина [Скрипкин, 1990, с. 95]. Я разделяю позицию В.Н. Васильева относительно их сосуществования в финальной части IV в. до н.э. или на рубеже IV–III вв. до н.э. [Васильев, 2004, с. 167; Васильев и др. 2019, с. 103]. Достаточно близкой аналогией зеркалу из погребения 1 по оформлению диска лепестковой розеткой является зеркало из хорошо датированного комплекса третьей четверти IV в. до н.э. с территории Среднего Дона погребения 2 кургана 18 у с. Колбино [Гуляев, 2017, с. 76, рис. 3,11].

Ко второй половине IV – рубежу IV–III вв. до н.э. относятся лепные керамичес-

кие сосуды с примесью талька в тесте (погр. 1–3) (рис. 5,2, 9,2, 10,2) [Васильев, 2001, с. 170, 177, рис. 1; 2004, рис. 5–7; Мошкова, 1963, с. 28, табл. 9, 10; Сиротин, 2017].

Обращает на себя внимание гончарный кувшиновидный сосуд среднеазиатского производства из погребения 3 кургана 5 (рис. 11,б). Такие гончарные сосуды хорезмийского происхождения исследователи для азиатских территорий датируют достаточно широко IV–II вв. до н.э. [Болелов, 2012, с. 211]. Однако если рассматривать в хронологическом аспекте южноуральские комплексы, в которых найдены подобные сосуды, то все они относятся к концу IV – рубежу IV–III вв. до н.э. [Васильев, 2004, с. 163, 165, рис. 5,14, 7,9,11; Мошкова, 1972, с. 33, рис. 4,8; Федоров, 2008, рис. 12,1–3,5; Сиротин, Трейстер, 2014, с. 211, рис. 3,4].

Таким образом, определенная часть предметов, найденных в погребениях кургана 5, имеет датировки в пределах IV в. до н.э. Вместе с тем, с учетом ряда вещей, имеющих аналогии как в южноуральских, так и среднедонских комплексах (последние, как правило, датированные по образцам античной тары), есть определенные основания для уточнения датировки рассматриваемых погребений. Дата кургана, на мой взгляд, может быть установлена в пределах последней трети IV в. до н.э. – рубежа IV–III вв. до н.э.

Как в хронологическом, так и культурном отношении курган 5 хорошо синхронизируется с курганами 9–11 данного некрополя. Располагаясь в северной части могильника, данные курганы топографически образуют относительно компактную группу, вытянутую неправильной цепочкой, ориентированной по линии ЮЮЗ–ССВ. Данная группа курганов отличается от южной группы (курганы 1–8). Прежде всего обращает на себя внимание погребальный обряд – подбойные и катакомбные могильные сооружения. Инвентарь очень характерный и представляет собой компактный культурно-хронологический комплекс раннепрохоровского облика. Сооружение данной группы курганов было связано с притоком в Зауральскую Башкирию кочевых групп – носителей культурных традиций памятников филипповского круга. В этническом отношении эти группы были близки местно-

му населению. Этим, возможно, объясняется наличие разновременных комплексов в одном могильнике. Как уже говорилось, подобная ситуация отмечена и в других известных памятниках Зауралья, таких как Переволочан I, Яковлевские курганы, Альмухаметово, Биш-Уба и др.

Осваивая новые территории и вливаясь в состав местного населения в качестве элитарного компонента, данные группы в короткий срок существенным образом видоизменили в регионе культурные стереотипы. В археологическом отношении это выразилось в распространении новых форм погребального обряда и вещевых комплексов, стандартизации погребального обряда и инвентаря. В качестве причин прихода данной группы кочевников можно выделить общую демографическую ситуацию в регионе, связанную с увеличением народонаселения, а также стремлением поставить под контроль иткульский металлургический центр и рудные, прежде всего, медные и золотоносные месторождения восточных склонов Южного Урала. В этой связи

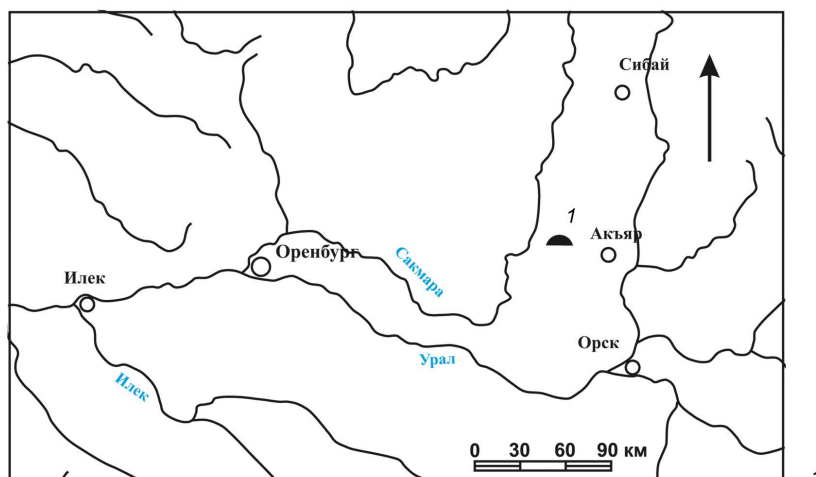
данный регион следует рассматривать наряду с бассейном р. Илек и Восточным Оренбуржьем в качестве еще одного (Присакмарского) родоплеменного центра кочевников раннего этапа прохоровской культуры [Сиротин, 2017a]. Неблагоприятные природно-климатические условия, перенаселенность степных пространств Урало-Илекского и Урало-Сакмарского междуречья, военно-политические события в западных областях вызвали отток кочевого населения, что в конечном итоге привело к распаду филипповского кочевого объединения и, соответственно, прекращению функционирования некрополей филипповского круга в конце IV – начале III в. до н.э.

ПРИМЕЧАНИЯ

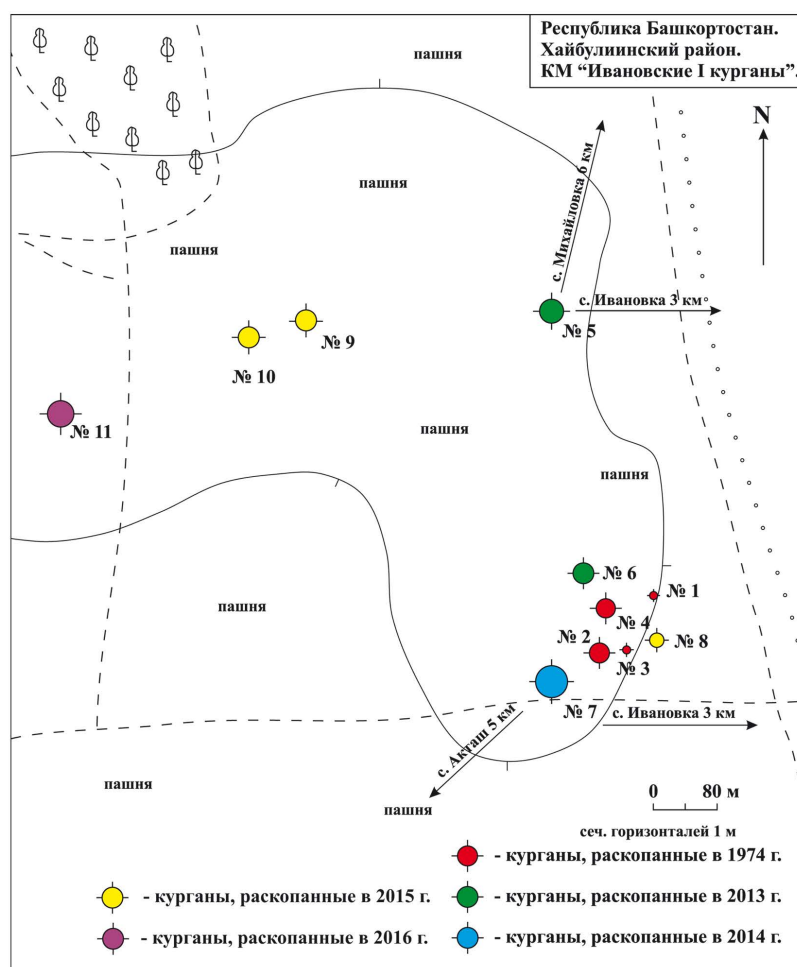
¹ Здесь и далее половозрастные определения произведены кандидатом биологических наук В.В. Куфтериним (ИЭА РАН, г. Москва).

² Здесь и далее определения материала бус сделаны кандидатом геолого-минералогических наук О.В. Аникеевой (ГосНИИР, г. Москва).

ПРИЛОЖЕНИЯ

1

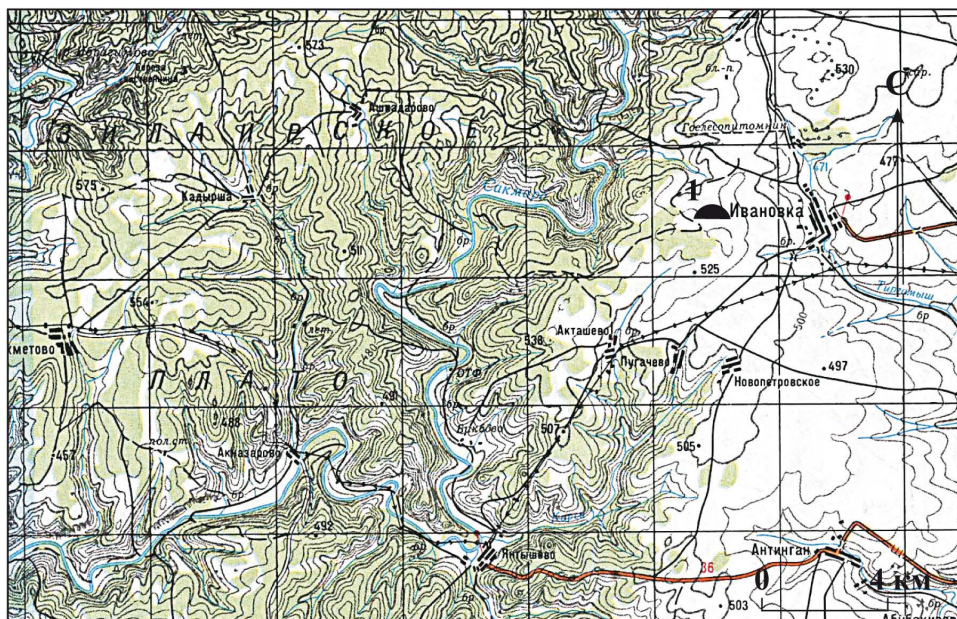
2

Рис. 1. Карта расположения могильника «Ивановские I курганы» на Южном Урале и план могильника:

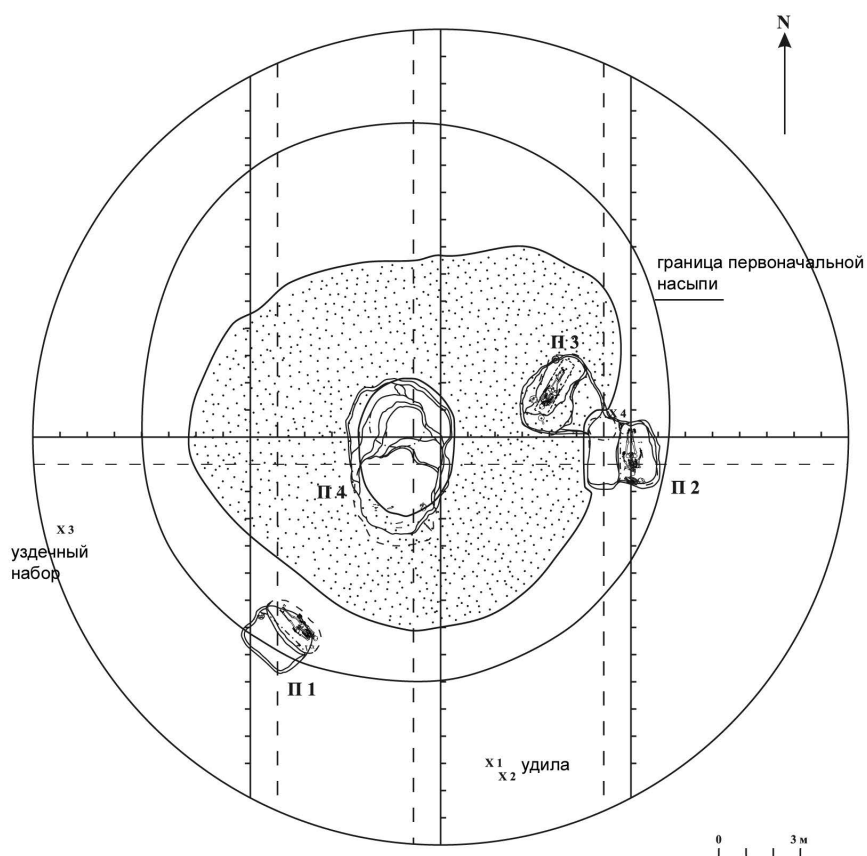
- 1 – расположение могильника «Ивановские I курганы» на Южном Урале;
- 2 – план могильника «Ивановские I курганы»

Fig. 1. A location map of the kurgan cemetery “Ivanovskie I kurgany” in the Southern Urals and a plan of the burial ground:

- 1 – location of the kurgan cemetery “Ivanovskie I kurgany” in the Southern Urals;
- 2 – plan of the kurgan cemetery “Ivanovskie I kurgany”

1

2

Рис. 2. Карта расположения могильника «Ивановские I курганы» в юго-восточной Башкирии и план кургана 5:

1 – расположение могильника «Ивановские I курганы» в юго-восточной Башкирии; 2 – план кургана 5
 Fig. 2. The location map of the kurgan cemetery “Ivanovskie I kurgany” in southeastern Bashkiria and the kurgan 5 plan:

1 – location of the kurgan cemetery “Ivanovskie I kurgany” in southeastern Bashkiria; 2 – kurgan 5 plan

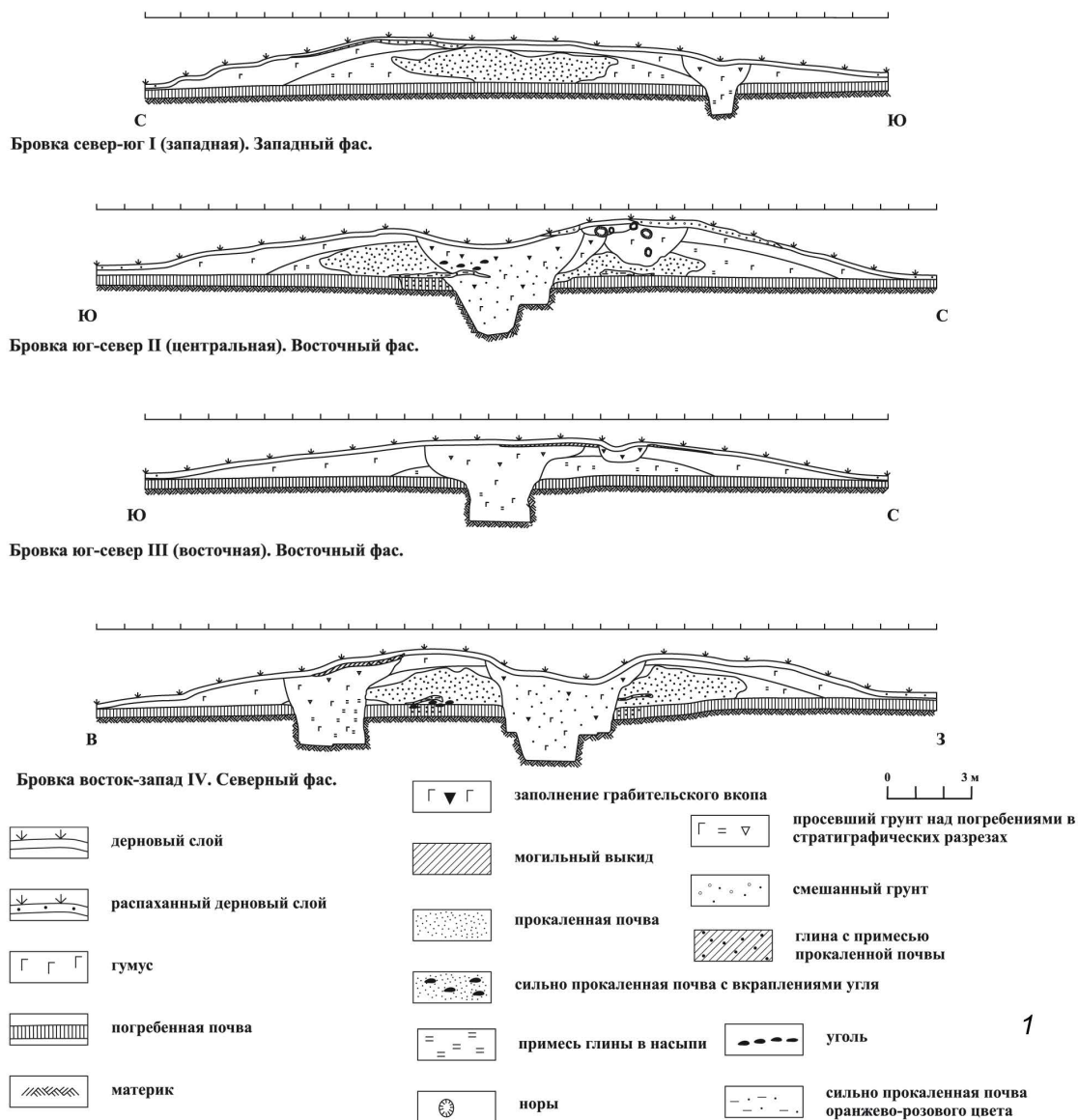

Рис. 3. Стратиграфические разрезы кургана 5:

1 – профили бровок; 2 – фото стратиграфического разреза центральной части кургана 5

Fig. 3. Stratigraphic sections of the kurgan 5:

1 – brow profiles; 2 – photo of the stratigraphic section of the kurgan 5 central part

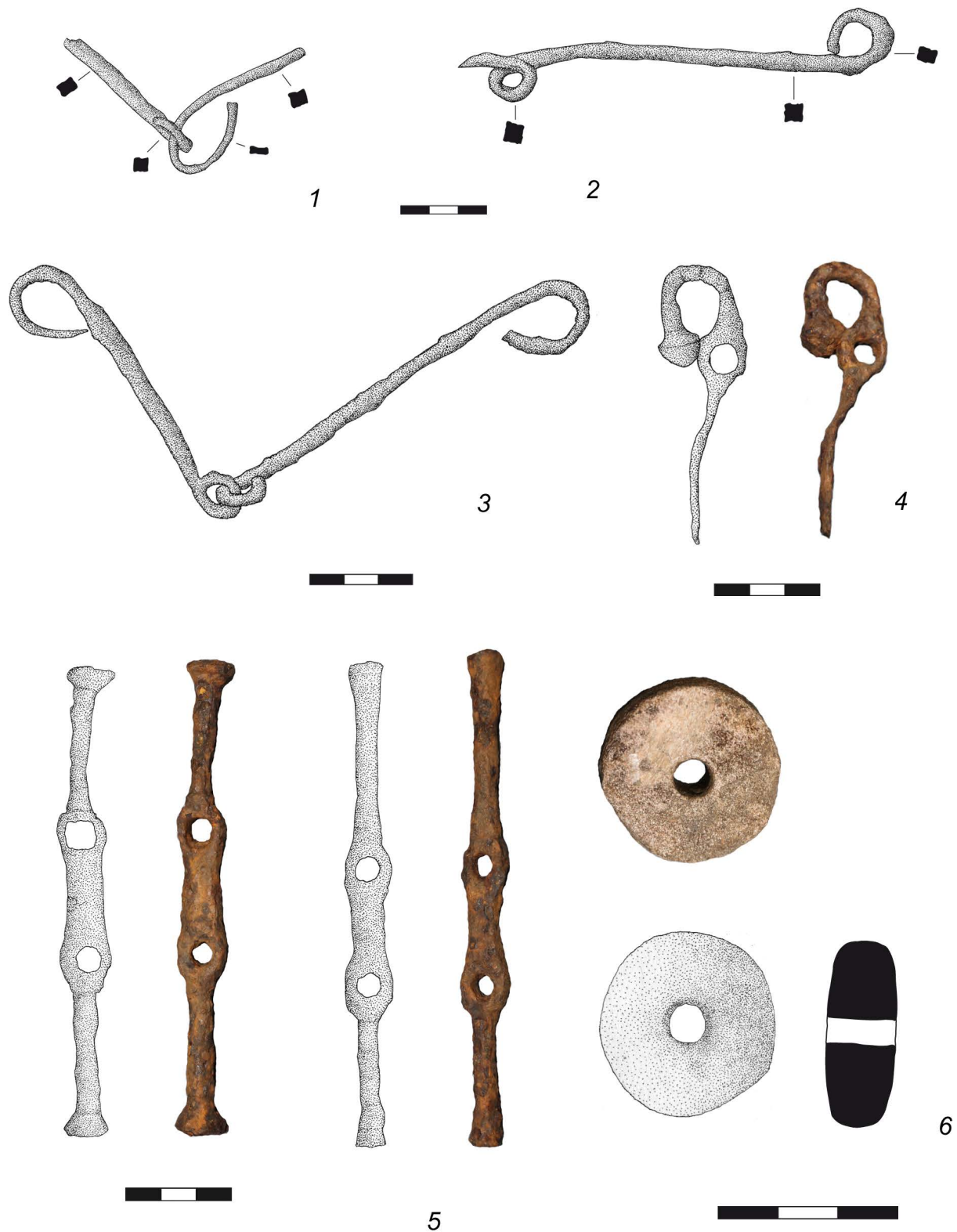

Рис. 4. Находки из насыпи кургана 5:

1, 2 – фрагменты удиц; 3 – удила; 4 – налобник; 5 – псаали; 6 – пряслице. 1–5 – железо; 6 – керамика. Фото автора.
1–5 – по: [Сиротин, 2015, рис. 3, 1,3–7]; 6 – по: [Сиротин, 2013, рис. 65]

Fig. 4. Finds from the kurgan 5 mound:

1, 2 – fragments of bits; 3 – bits; 4 – headpiece; 5 – psalms; 6 – spinning wheel. 1–5 – iron; 6 – ceramics. Photo by the author.
1–5 – after: [Sirotin, 2015, fig. 3, 1,3–7]; 6 – after: [Sirotin, 2013, fig. 65]

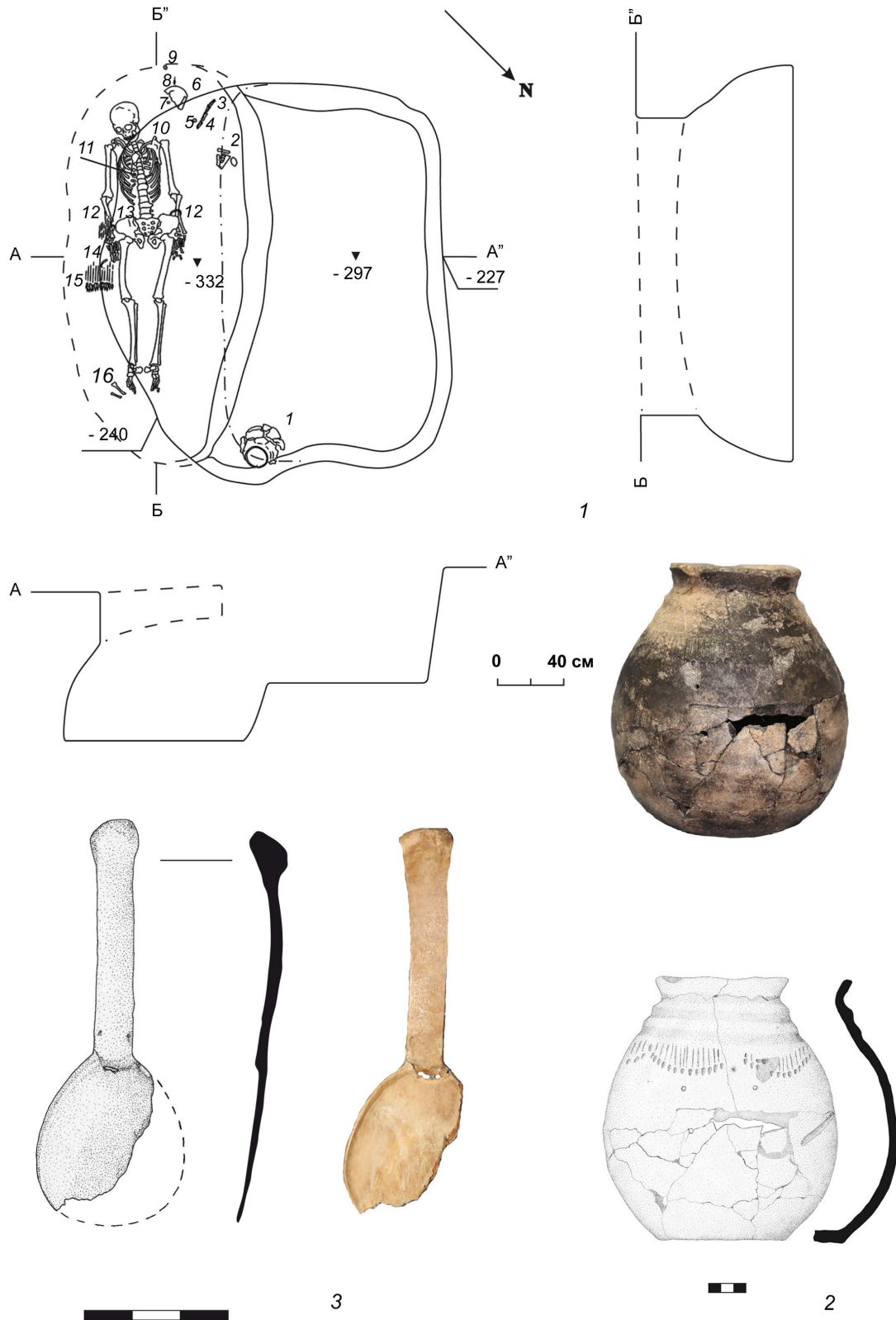

Рис. 5. План и инвентарь погребения 1:

1 – план погребения 1; 2 – сосуд; 3 – ложка. 1 – керамика; 2 – кость. Фото автора.
 1, 3 – по: [Сиротин, 2013, рис. 72, 86, 1]; 2 – по: [Сиротин, 2017, рис. 3, 7]

Fig. 5. Burial plan and inventory 1:

1 – burial plan 1; 2 – vessel; 3 – spoon. 1 – ceramics; 2 – bone. Photos by the author.
 1, 3 – after: [Sirotnin, 2013, fig. 72, 86, 1]; 2 – after: [Sirotnin, 2017, fig. 3, 7]

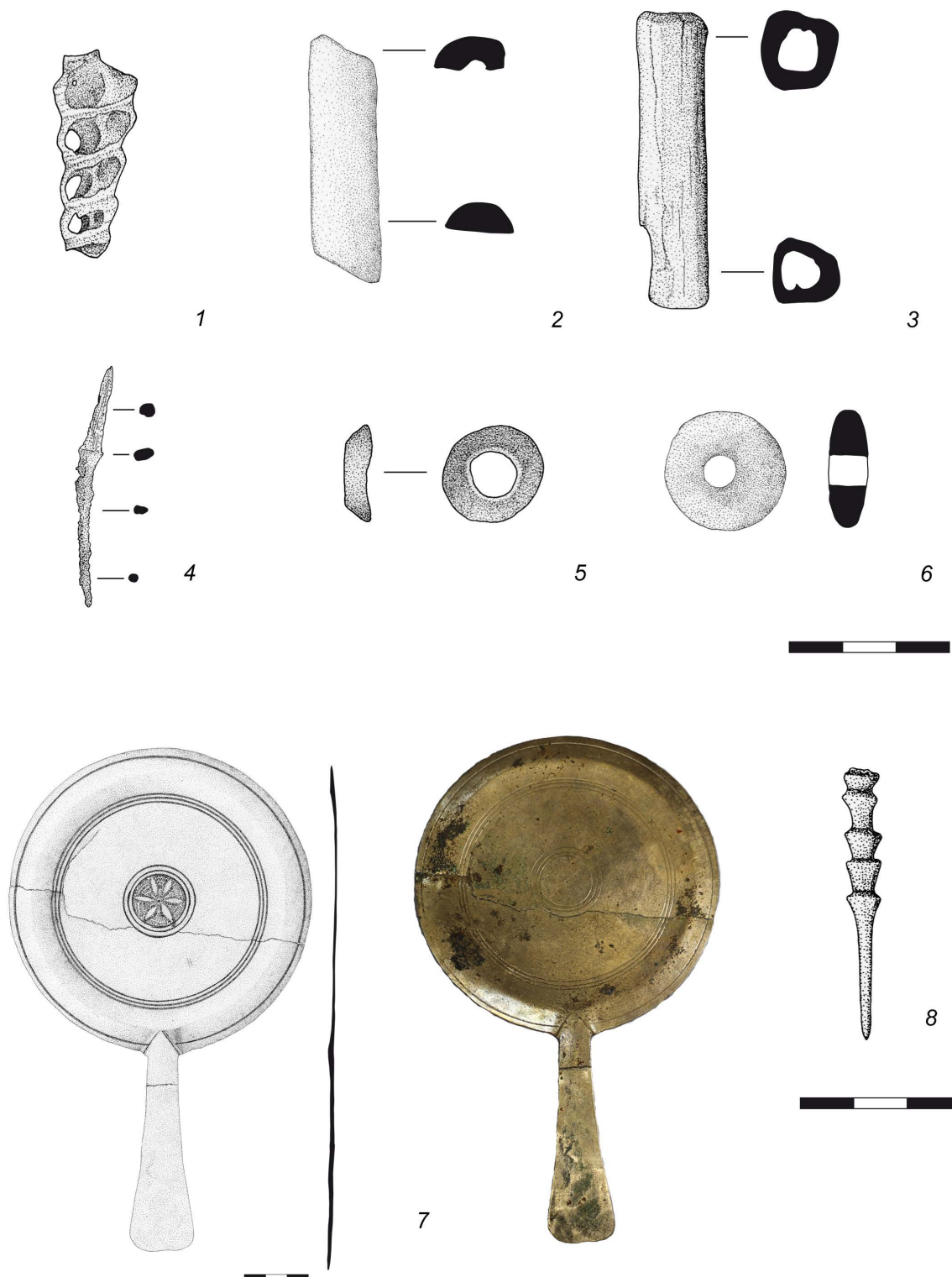

Рис. 6. Инвентарь погребения 1:

1 – ископаемая раковина; 2 – обломок белемнитового стержня; 3 – трубочка; 4 – игла-проколка; 5 – ворворка; 6 – дисковидная бусина (подвеска?); 7 – зеркало; 8 – игла-проколка. 3 – кость; 4 – железо; 6 – белый мрамор; 5–8 – бронза. Фото автора. 1–8 – по: [Сиротин, 2013, рис. 86,2–6, 91, 96,1,2]

Fig. 6. Burial inventory 1:

1 – fossil shell; 2 – fragment of a belemnite rod; 3 – tube; 4 – needle-piercing; 5 – warp; 6 – disc-shaped bead (pendant?); 7 – mirror; 8 – needle-piercing. 3 – bone; 4 – iron; 6 – white marble; 5–8 – bronze. Photos by the author. 1–8 – after: [Sirotin, 2013, fig. 86,2–6, 91, 96,1,2]

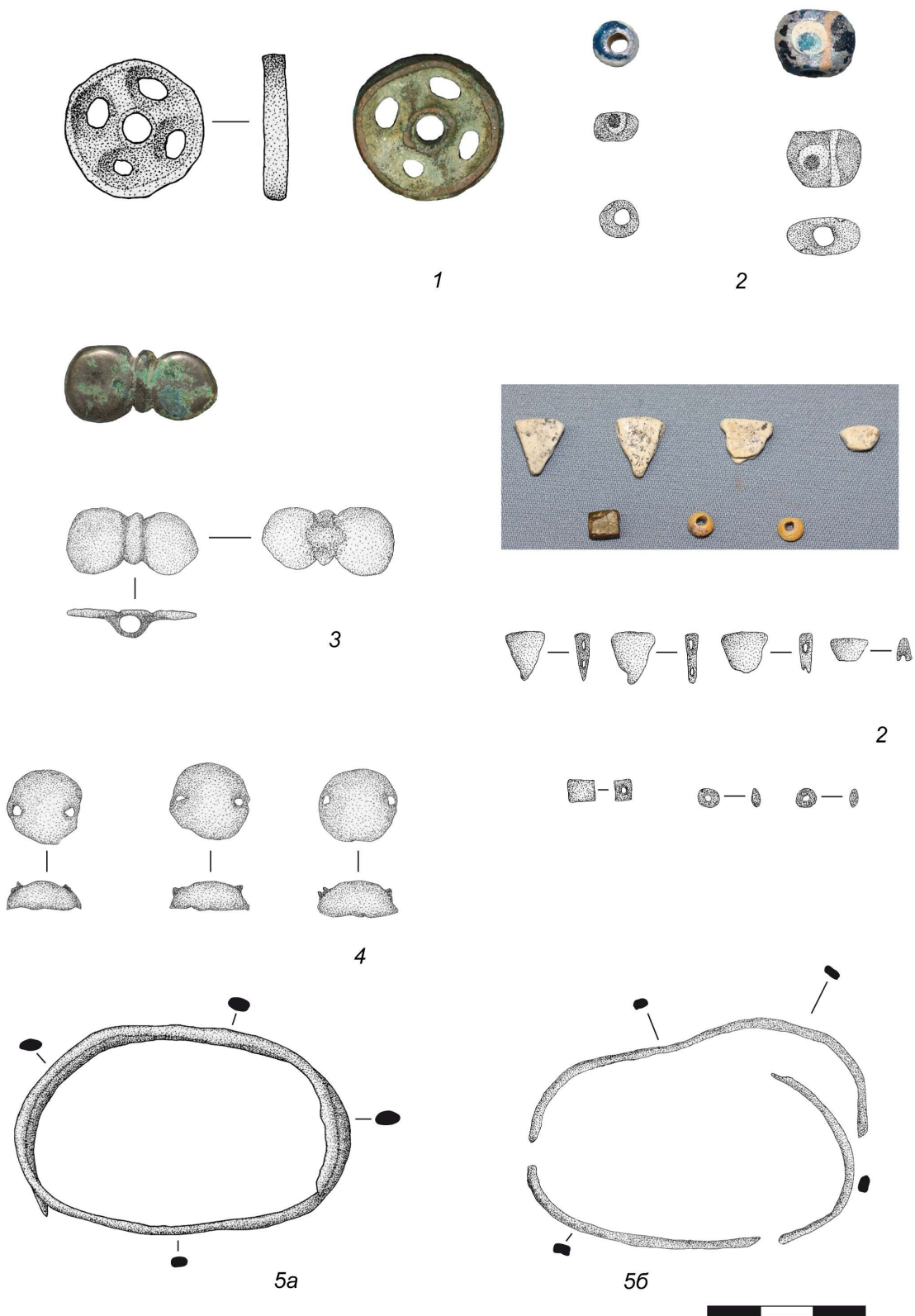

Рис. 7. Инвентарь погребения 1:

1 – колесико-амулет; 2 – бусы, бисер; 3, 4 – бляшки; 5а, б – браслеты. 1, 3–5а, б – бронза; 2 – стеклянная паста, белый камень, пирит. Фото автора. 1–5а, б – по: [Сиротин, 2013, рис. 96,3–6, 103,1.1,1.2]

Fig. 7. Burial inventory 1:

1 – wheel-amulet; 2 – beads, beads; 3, 4 – plaques; 5а, б – bracelets. 1, 3–5а, б – bronze; 2 – glass paste, white stone, pyrite. Photos by the author. 1–5а, б – after: [Sirotnin, 2013, fig. 96,3–6, 103,1.1,1.2]

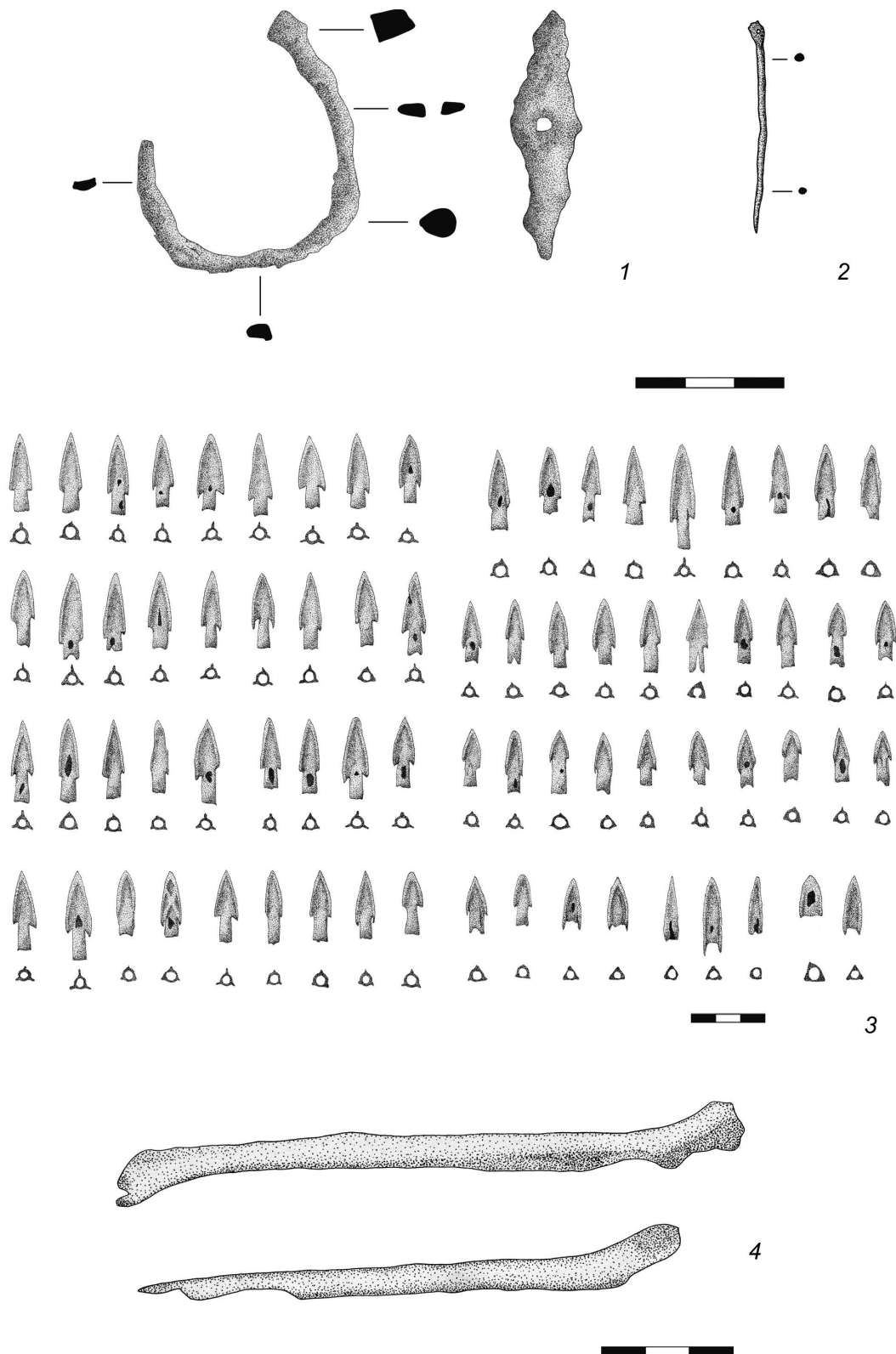

Рис. 8. Инвентарь погребения 1:

1 – колчаный крючок; 2 – игла-проколка; 3 – наконечники стрел; 4 – кости зайца. 1 – железо; 2, 3 – бронза. Фото автора.
2–4 – по: [Сиротин, 2013, рис. 103,3, 108, 109, 112]; 1 – по: [Сиротин, 2017, рис. 2,1]

Fig. 8. Burial inventory 1:

1 – quiver hook; 2 – needle-piercing; 3 – arrowheads; 4 – hare bones. 1 – iron; 2, 3 – bronze. Photos by the author.
2–4 – after: [Sirotin, 2013, fig. 103, 3, 108, 109, 112]; 1 – after: [Sirotin, 2017, fig. 2,1]

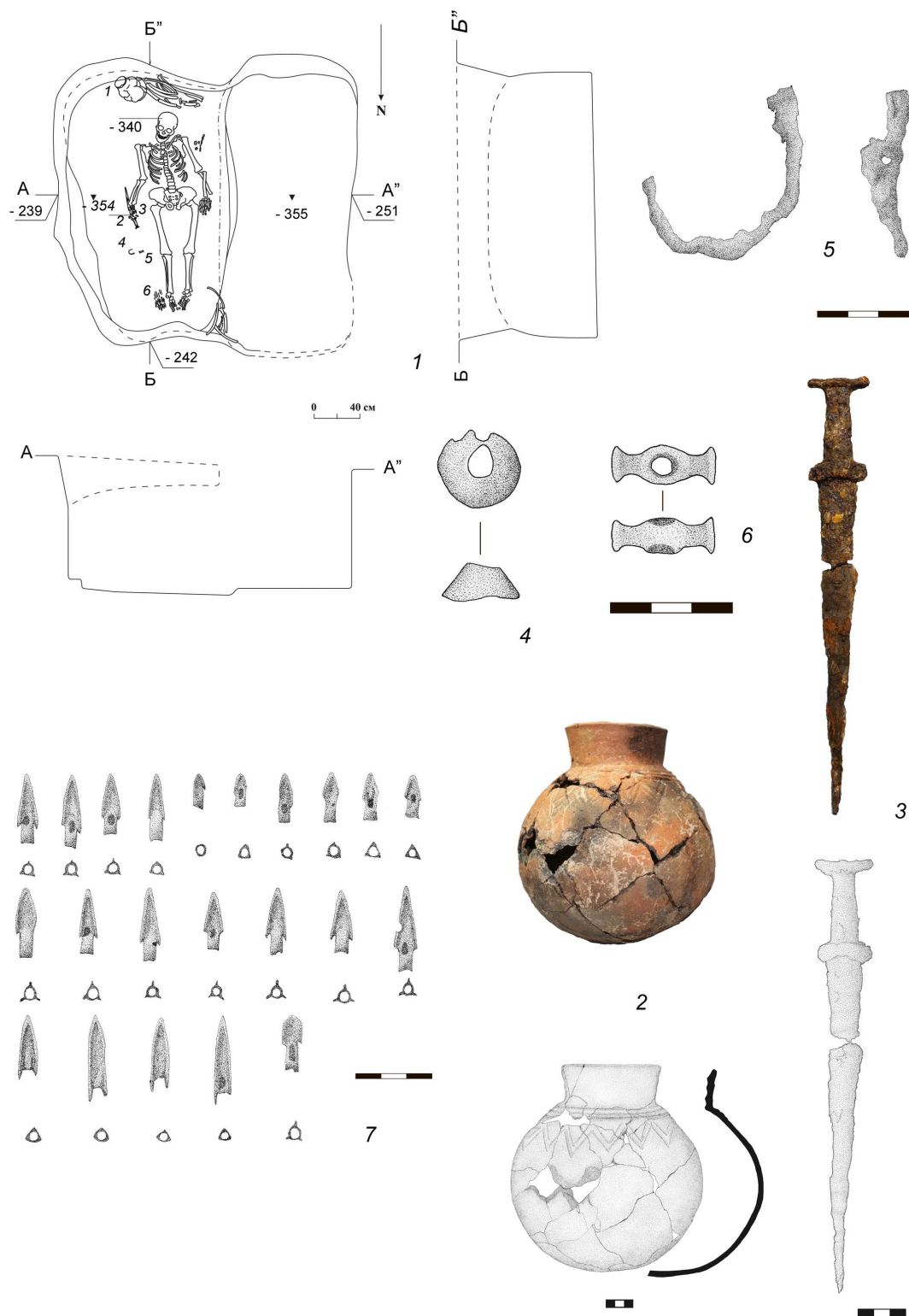

Рис. 9. План и инвентарь погребения 2:

1 – план погребения 2; 2 – сосуд; 3 – кинжал; 4 – ворворка; 5 – колчаный крючок; 6 – застежка;
7 – наконечники стрел. 2 – керамика; 3, 5 – железо; 4, 6 – бронза. Фото автора.
1, 4, 6, 7 – по: [Сиротин, 2013, рис. 120, 131,2,4, 134]; 2, 3, 5 – по: [Сиротин, 2017, рис. 2,2, 3,1,8]

Fig. 9. Burial plan and inventory 2:

1 – burial plan 2; 2 – vessel; 3 – dagger; 4 – warp; 5 – quiver hook; 6 – clasp;
7 – arrowheads. 2 – ceramics; 3, 5 – iron; 4, 6 – bronze. Photos by the author.
1, 4, 6, 7 – after: [Sirotnin, 2013, fig. 120, 131,2,4, 134]; 2, 3, 5 – after: [Sirotnin, 2017, fig. 2,2, 3,1,8]

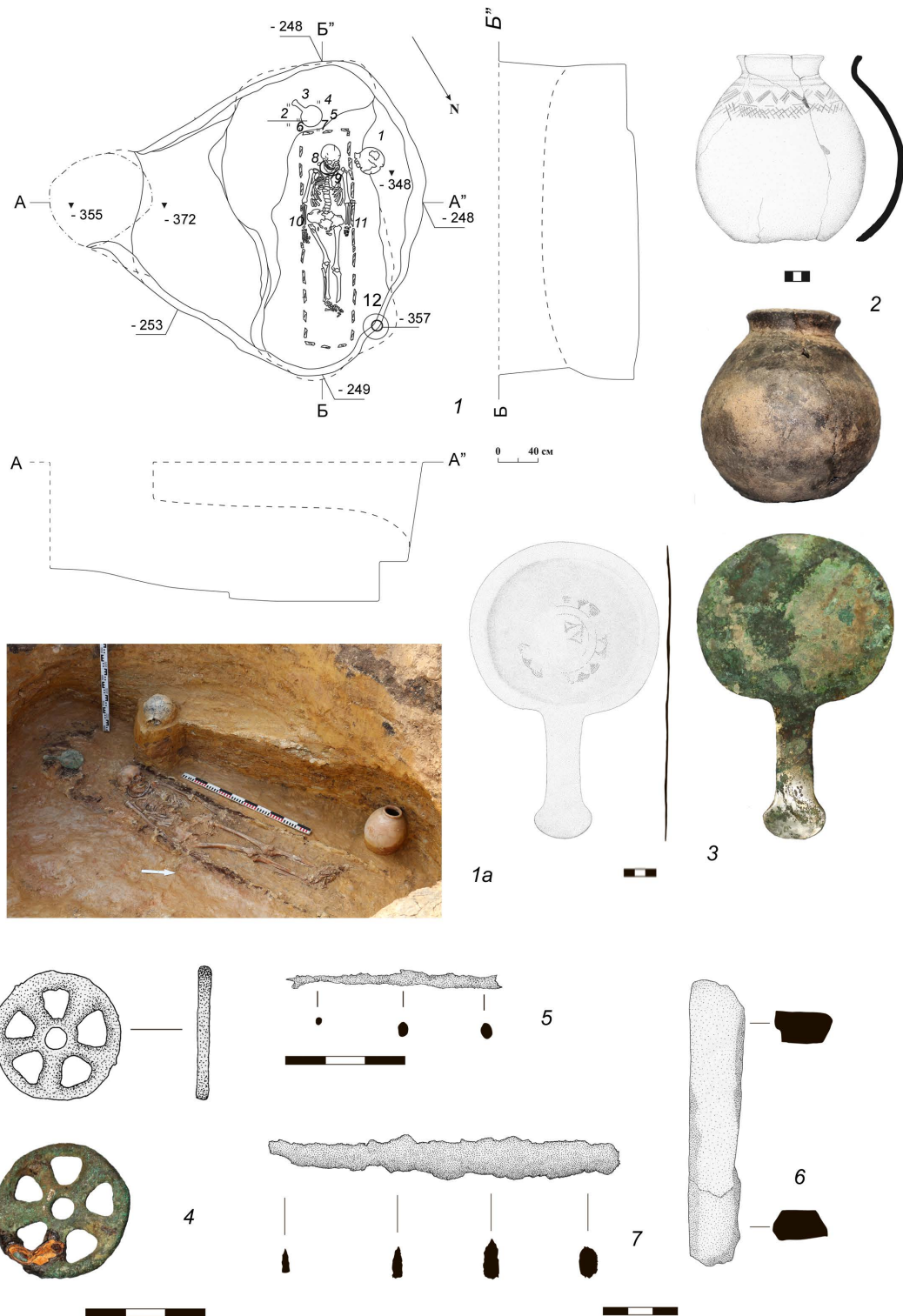

Рис. 10. План и инвентарь погребения 3:

1 – план погребения 3; 1а – фото погребения 3; 2 – сосуд; 3 – зеркало; 4 – колесико-амулет; 5 – игла-проколка; 6 – четырехгранный предмет; 7 – нож. 2 – керамика; 3, 4 – бронза; 5, 7 – железо; 6 – камень. Фото автора.
1, 1а, 3–7 – по: [Сиротин, 2013, рис. 141, 144, 155, 158, 1, 2, 3, 5]; 2 – по: [Сиротин, 2017, рис. 3, 9]

Fig. 10. Burial plan and inventory 3:

1 – burial plan 3; 1а – burial photo 3; 2 – vessel; 3 – mirror; 4 – wheel-amulet; 5 – needle-puncture; 6 – four-sided object; 7 – knife. 2 – ceramics; 3, 4 – bronze; 5, 7 – iron; 6 – stone. Photos by the author.
1, 1а, 3–7 – after: [Sirotin, 2013, fig. 141, 144, 155, 158, 1, 2, 3, 5]; 2 – after: [Sirotin, 2017, fig. 3, 9]

Рис. 11. Инвентарь погребения 3:

1 – деталь погребения 3; 2 – серьги-подвески; 3 – гривна; 4, 5 – бусы, бисер; 6 – сосуд.
 2 – серебро; 3 – железо, золото; 4, 5 – сердолик, агат, стеклянная паста, золото, серебро (?), пирит. Фото автора.
 1–5 – по: [Сиротин, 2013, рис. 147, 163, 1, 3]; 6 – по: [Сиротин, 2017, рис. 3, 14]

Fig. 11. Burial inventory 3:

1 – burial detail 3; 2 – pendant earrings; 3 – necklace; 4, 5 – beads; 6 – vessel.
 2 – silver; 3 – iron, gold; 4, 5 – carnelian, agate, glass paste, gold, silver (?), pyrite. Photos by the author.
 1–5 – after: [Sirotnin, 2013, fig. 147, 163, 1, 3]; 6 – after: [Sirotnin, 2017, fig. 3, 14]

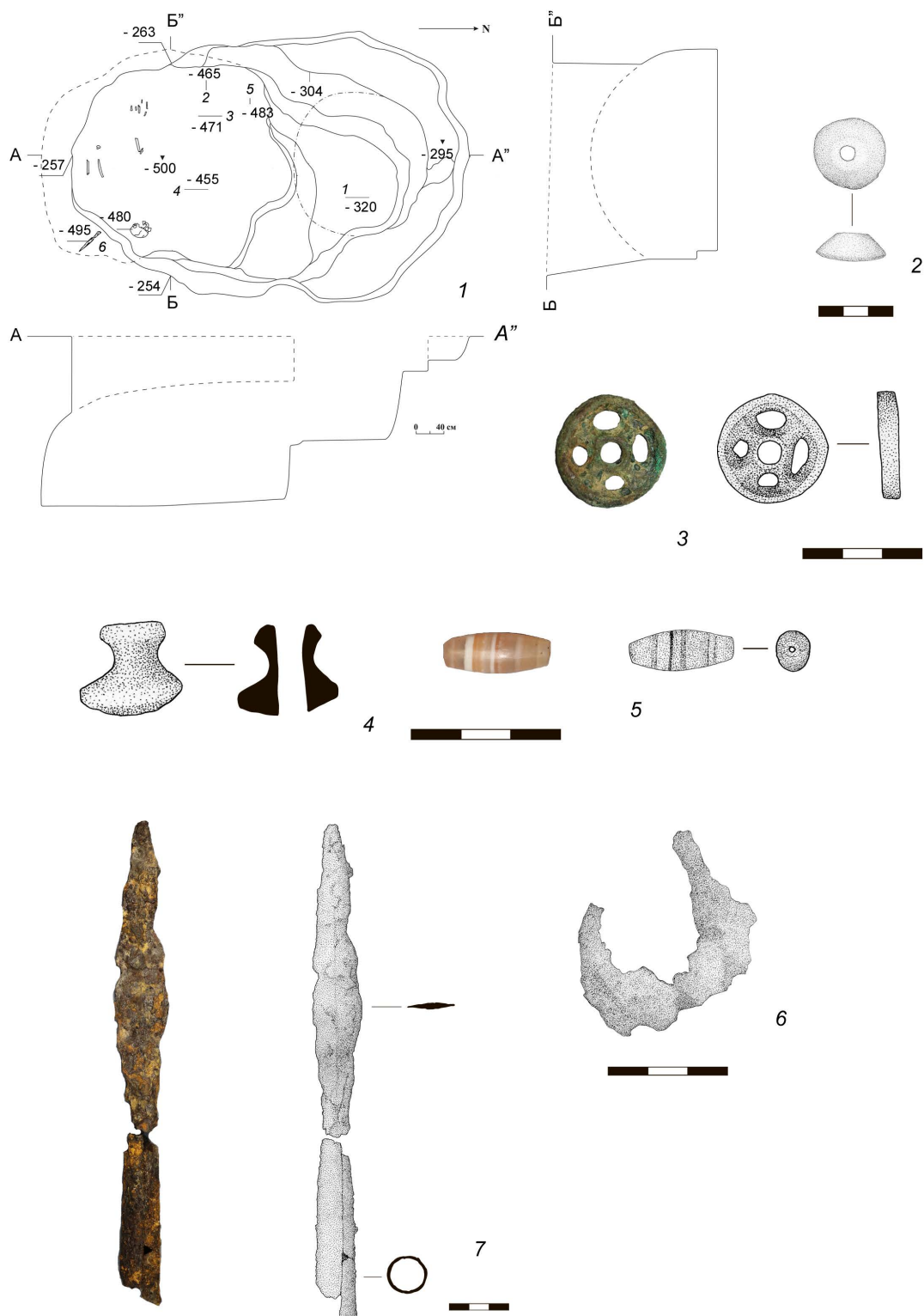

Рис. 12. План и инвентарь погребения 4:

1 – план погребения 4; 2 – каменное пряслице (пронизь?); 3 – колесико-амулет; 4 – ворворка; 5 – бусина; 6 – колчанный крючок; 7 – наконечник копья. 2 – камень; 3 – бронза; 4 – горная порода; 5 – сердолик; 6, 7 – железо. Фото автора. 1–7 – по: [Сиротин, 2013, рис. 175, 184, 189]

Fig. 12. Burial plan and inventory 4:

1 – burial plan 4; 2 – stone spinning wheel (pierced?); 3 – wheel-amulet; 4 – warp; 5 – bead; 6 – quiver hook; 7 – spear tip. 2 – stone; 3 – bronze; 4 – rock; 5 – carnelian; 6, 7 – iron. Photos by the author. 1–7 – after: [Sirotin, 2013, fig. 175, 184, 189]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болелов С. Б., 2012. Среднеазиатская керамика в памятниках кочевников Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. I. М. : Таус. С. 208–219.
- Васильев В. Н., 2001. К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и «проблеме» III в. до н.э. // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 169–179.
- Васильев В. Н., 2004. К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. С. 153–172.
- Васильев В. Н., Обыденнова Г. Т., Федоров В. К., 2019. Курганы в окрестностях села Верхняя Кардаилровка на р. Урал (по материалам раскопок 1993 года) и заметки к хронологии опорных комплексов второй половины IV в. до н.э. // Вестник Оренбургского государственного университета : электрон. науч. журн. (Online). № 4 (32). С. 90–111. URL : <http://www.vestospu.ru> (дата обращения: 23.01.2022).
- Гуляев В. И., 2017. Необычный курган скифского времени на Среднем Дону // Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. № 8. С. 73–93.
- Гуляев В. И., Володин С. А., Шевченко А. А., 2020. Элитный курган скифского времени на Среднем Дону (по материалам раскопок могильника Девица V) // Российская археология. № 4. С. 21–39.
- Гудалов С. Ю., 2004. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск : Изд-во ЗКЦИА. 136 с.
- Клепиков В. М., 2002. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 216 с.
- Лылова Е. В., 2020. К вопросу о датировке спиралевидных височных подвесок из погребений ранних кочевников Южного Урала // Ранние кочевники Южного Урала и Нижнего Поволжья : материалы круглого стола «Археология ранних кочевников евразийской степи: актуальные проблемы и перспективы их решения». К юбилею доктора исторических наук М.Г. Мошковой. М. : МАКС Пресс. С. 148–172.
- Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры. М. : Изд-во АН СССР. 55 с.
- Мошкова М. Г., 1972. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М. : Наука. С. 27–48.
- Мошкова М. Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М. : Наука. 51 с.
- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., 1999. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 172–212.
- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., Мещеряков Д. В., 2011. Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья в савроматское и раннесарматское время // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. С. 162–167.
- Мышкин В. Н., 2010. Колчаные крючки кочевников Самаро-Уральского региона VII–I вв. до н.э. // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М. : Таус. С. 262–279.
- Пшеничнюк А. Х., 1976. Шиповский комплекс памятников (IV–III вв. до н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа : БФАН СССР. С. 35–131.
- Пшеничнюк А. Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М. : Наука. 199 с.
- Пшеничнюк А. Х., 1995. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа : Гилем. С. 62–96.
- Пшеничнюк А. Х., 2012. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. 280 с.
- Савельев Н. С., 2007. Конская узда IV–III вв. до н.э. из Шиповских курганов в лесостепи Южного Приуралья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К.В. Сальникова (1900–1966) : материалы Междунар. конф. (20–22 апреля 2007 г., г. Уфа). Уфа : Китап. С. 330–339.
- Савельев Н. С., 2020. Скифская узда в лесостепи Южного Приуралья: конечная точка западного импульса // *Stratum plus*. № 3. С. 31–52.
- Савченко Е. И., 2004. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М. : ИА РАН. С. 151–277.

- Савченко Е. И., 2009. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М. : ИА РАН. С. 221–325.
- Сиротин С. В., 2010. Курган № 11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М. : Таус. С. 323–337.
- Сиротин С. В., 2013. Отчет об археологических исследованиях в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан в 2013 г. // Архив ИА РАН. 184 с.
- Сиротин С. В., 2014. Погребальные памятники Зауральской Башкирии // Научные экспедиции РГНФ. М. : РГНФ. С. 149–150.
- Сиротин С. В., 2015. Предметы конской сбруи из насыпей курганов ранних кочевников Южного Урала (по материалам раскопок 2008–2013 годов) // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск : Челябинский государственный краеведческий музей. С. 247–256.
- Сиротин С. В., 2015а. Охранные исследования на могильнике «Ивановские I курганы» в 2013–2014 годах // Известия Археологического общества Республики Башкортостан. Вып. 1 (2). Уфа : Центр «Наследие». С. 18–19.
- Сиротин С. В., 2016. Об относительной хронологии и датировке могильника Переволочан I // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии : материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова : сб. ст. Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 253–264.
- Сиротин С. В., 2017. Хронология и планиграфия курганного некрополя Ивановские I курганы в Зауральской Башкирии // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Челябинск : Государственный исторический музей Южного Урала. С. 132–139.
- Сиротин С. В., 2017а. Памятники V–IV вв. до н.э. Зауральской Башкирии в контексте трансформации культуры ранних кочевников Южного Урала // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. 2. Барнаул : Изд-во АлтГУ. С. 56–60.
- Сиротин С. В., Трейстер М. Ю., 2014. Погребение с ближневосточными (?) и центрально-азиатскими импортами из кургана Яковлевка II // Сарматы и внешний мир : материалы VIII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», г. Уфа, 12–15 мая 2014 г. Уфимский археологический вестник. Вып. 14. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН : Центр «Наследие». С. 207–217.
- Сиротин С. В., Богачук Д. С., Окорочков К. С., 2018. Курганная группа «Богатырские могилки» № 4 (Оренбургская область, Оренбургский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25. М. : ИА РАН. С. 334–339.
- Сиротин С. В., Богачук Д. С., Гильмитдинова А. Х., Окорочков К. С., 2019. Особенности погребальных конструкций и планиграфическая организация некрополя Филипповка 1 // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.). V. Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь : ООО «Фирма “Салта” ЛТД». С. 234–243.
- Сиротин С. В., Богачук Д. С., Окорочков К. С., 2020. Филипповские параллели в погребальном обряде больших курганов некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» // Ранние кочевники Южного Урала и Нижнего Поволжья : материалы круглого стола «Археология ранних кочевников евразийской степи: актуальные проблемы и перспективы их решения». К юбилею д-ра ист. наук М.Г. Мошковой. М. : МАКС Пресс. С. 203–217.
- Скрипкин А. С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 299 с.
- Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. Материалы и исследования по археологии СССР. № 101. М. : Наука. 161 с.
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М. : Наука. 376 с.
- Смирнов К. Ф., 1981. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа : ИИЯЛБФАН СССР. С. 68–90.
- Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. М. : Наука. 40 с., 30 табл.
- Таиров А. Д., 2014. Сожжение как результат ограбления (по материалам Южного Зауралья) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 2. Казань : Отечество. С. 241–243.

- Таиров А. Д., 2018. Южноуральские зеркала с валиком по краю диска раннесарматского времени // «Маргулановские чтения – 2018. Духовная модернизация и археологическое наследие» : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (19–20 апреля, 2018). Алматы ; Актобе : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана. С. 349–354.
- Таиров А. Д., 2020. Мужские воинские погребения кургана 3 могильника Кичигино I // Археологическое наследие. № 1 (3). С. 182–196.
- Федоров В. К., 2008. О датировке 1–4 прохоровских курганов // Уфимский археологический вестник. № 8. С. 69–90.
- Федоров В. К., 2013. Костяные ложечки в колчанах ранних кочевников // Российская археология. № 2. С. 44–61.
- Федоров В. К., 2018. Бронзовые колесики в погребениях ранних кочевников // Археология ранних кочевников Евразии. Самара : ООО «Книжное издательство». С. 22–40.
- Физико-географическое районирование Башкирской АССР, 1964. Уфа : БашГУ. 210 с.
- Яблонский Л. Т., 2008. Новые раскопки Филипповского могильника и проблема формирования раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ранние кочевники Волго-Уральского региона : материалы Междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий», г. Оренбург, 21–25 апреля 2008 г. Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 170–177.
- Яблонский Л. Т., 2013. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. 1. М. : ИА РАН. 232 с.

REFERENCES

- Bolelov S.B., 2012. Sredneaziatskaya keramika v pamyatnikah kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya [Central Asian Ceramics in the Monuments of Nomads of the Southern Urals]. *Vliyaniya ahemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.)* [The Influence of the Achaemenid Culture in the Southern Urals (V–III Centuries BC)], vol. I. Moscow, Taus Publ., pp. 208–219.
- Vasilyev V.N., 2001. K khronologii ranneprokhovskogo klinkovogo oruzhiya i «probleme» III v. do n.e. [To the Chronology of the Early Prokhorovka Blade Weapon and the “Problem” of the 3rd century BC]. *Materialy po arheologii Volgo-Don'skikh stepey* [Materials on Archaeology of the Volga-Don Steppes], iss. 1. Volgograd, VolSU, pp. 169–179.
- Vasilyev V.N., 2004. K khronologii ranneprokhovskogo kompleksa [To the Chronology of the Early Prokhorovka Complex]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 5, pp. 153–172.
- Vasilyev V.N., Obydenova G.T., Fedorov V.K., 2019. Kurgany v okrestnostyah sela Verkhnyaya Kardailovka na r. Ural (po materialam raskopok 1993 goda) i zametki k khronologii opornykh kompleksov vtoroy poloviny IV v. do n.e. [Mounds in the Vicinity of Verkhnyaya Kardailovka Village on the Ural River (Based on the Excavations of 1993) and Notes on the Chronology of Supporting Complexes of the Second Half of the 4th century BC]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta: elektron. nauch. zhurn. (Online)* [Bulletin of the Orenburg State University. Electronic Scientific Journal (Online)], no. 4 (32), pp. 90–111. URL: <http://www.vestospu.ru> (accessed 23 January 2022).
- Gulyaev V.I., 2017. Neobychnyy kurgan skifskogo vremeni na Srednem Donu [An Unusual Mound of Scythian Time on the Middle Don]. *Istoricheskie issledovaniya. Zhurnal istoricheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova* [History Studies. Journal of the History Faculty Lomonosov Moscow State University], no. 8, pp. 73–93.
- Gulyaev V.I., Volodin S.A., Shevchenko A.A., 2020. Elitnyy kurgan skifskogo vremeni na Srednem Donu (po materialam raskopok mogil'nika Devitsa V) [Elite Mound of the Scythian Period in the Middle Don (Materials from the Excavations in the Devitsa V Cemetery)]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 4, pp. 21–39.
- Gutsalov S.Yu., 2004. *Drevnie kochevniki Yuzhnogo Priuralya VII–I vv. do n.e.* [Ancient Nomads of the Southern Urals from VII–I Centuries BC]. Uralsk, WKCHA. 136 p.
- Klepikov V.M., 2002. *Sarmaty Nizhnego Povolzh'ya v IV–III vv. do n.e.* [Sarmatians of the Lower Volga Region in the IV–III Centuries BC]. Volgograd, VolSU. 216 p.
- Lylova E.V., 2020. K voprosu o datirovke spiralevidnykh visochnykh podvesok iz pogrebeniy rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [On the Dating of Spiral Temporal Pendants from the Burials of Early Nomads of the Southern

- Urals]. *Rannie kochevniki Yuzhnogo Urala i Nizhnego Povolzh'ya: materialy kruglogo stola «Arheologiya rannih kochevnikov evraziyskoy stepi: aktual'nye problemy i perspektivy ih resheniya»*. K yubileyu doctora istoricheskikh nauk M.G. Moshkovoy [Early Nomads of the Southern Urals and the Lower Volga Region. Materials of the Panel Discussion “Archaeology of the Early Nomads of the Eurasian Steppe: Current Problems and Prospects for Their Solution”. To the Anniversary of M.G. Moshkova. Moscow, MAKS Press Publ., pp. 148-172.
- Moshkova M.G., 1963. *Pamyatniki prohorovskoy kul'tury* [Monuments of Prokhorovka Culture]. Moscow, USSR AS. 55 p.
- Moshkova M.G., 1972. Sarmatskie pogrebeniya Novo-Kumakskogo mogil'nika bliz g. Orska [Sarmatian Burials of the Novo-Kumak Burial Ground Near the City of Orsk]. *Pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo vremeni* [Monuments of the Southern Urals and Western Siberia of the Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., pp. 27-48.
- Moshkova M.G., 1974. *Proiskhozhdenie rannesarmatskoy (prohorovskoy) kul'tury* [The Origin of the Early Sarmatian (Prokhorovka) Culture]. Moscow, Nauka Publ. 51 p.
- Moshkova M.G., Malashev V.Yu., 1999. Hronologiya i tipologiya sarmatskih katakombnyh pogrebal'nyh sooruzheniy [Chronology and Typology of Sarmatian Catacomb Burial Structures]. *Arheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epohu rannego zheleznoogo veka i Srednevekov'ya* [Archeology of the Volga-Ural Region in the Era of the Early Iron Age and the Middle Ages]. Volgograd, VolSU, pp. 172-212.
- Moshkova M.G., Malashev V.Yu., Meshcheryakov D.V., 2011. Dromosnyye i katakombnyye pogrebeniya Yuzhnogo Priuralia v savromatskoye i rannesarmatskoye vremya [Dromos and Catacomb Burials of the Southern Urals in the Sauromat and Early Sarmatian Times]. *Pogrebal'nyy obryad rannih kochevnikov Evrazii. Materialy i issledovaniya po arheologii Yuga Rossii* [The Funeral Rite of the Early Nomads of Eurasia. Materials and Research on the Archaeology of the South of Russia], iss. III. Rostov-on-Don, SSC RAS, pp. 162-167.
- Myshkin V.N., 2010. Kolchannye kryuchki kochevnikov Samara-Ural'skogo regiona VII–I vv. do n.e. [Quiver Hooks of Nomads of the Samara-Ural Region of the VII–I Centuries BC]. *Arheologiya i paleoantropologiya evraziyskih stepey i sopredelnyh territoriy* [Archaeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories]. Moscow, Taus Publ., pp. 262-279.
- Pshenichnyuk A.Kh., 1976. Shipovskiy kompleks pamyatnikov (IV–III vv. do n.e.) [Shipovsky Complex of Monuments (IV–III Centuries BC)]. *Drevnosti Yuzhnogo Urala* [Antiquities of the Southern Urals]. Ufa, BFAS USSR, pp. 35-131.
- Pshenichnyuk A.Kh., 1983. *Kul'tura rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Culture of the Early Nomads of the Southern Urals]. Moscow, Nauka Publ. 199 p.
- Pshenichnyuk A.Kh., 1995. Perevolochanskiy mogil'nik [Perevolochanskiy Cemetery]. *Kurgany kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Kurgans of Nomads of the Southern Urals]. Ufa, Gilem Publ., pp. 62-96.
- Pshenichnyuk A.H., 2012. *Filippovka. Nekropol' kochevoy znati IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale* [Filippovka. Nekropolis of the Nomad Nobility (4th BC in the South Urals)]. Ufa, IHLL USC RAS. 280 p.
- Savelyev N.S., 2007. Konskaya uzda IV–III vv. do n.e. iz Shipovskih kurganov v lesostepi Yuzhnogo Priural'ya [Horse Bridle IV–III Centuries BC. from the Shipovsk Kurgans in the Forest-Steppe of the Southern Urals]. *Formirovanie i vzaimodeystvie ural'skih narodov v izmenyayushchey etnokul'turnoy srede Evrazii: problemy izucheniya i istoriografiya. Chteniya pamyati K.V. Sal'nikova (1900–1966): materialy Mezhdunar. konf. (20–22 aprelya 2007 g., g. Ufa)* [Formation and Interaction of the Ural Peoples in the Changing Ethno-Cultural Environment of Eurasia: Problems of Study and Historiography. Readings in Memory of K.V. Salnikov (1900–1966). Materials of the International Conference (April 20–22, 2007, Ufa)]. Ufa, Kitap Publ., pp. 330-339.
- Savelev N.S., 2020. Skifskaya uzda v lesostepi Yuzhnogo Priural'ya: konechnaya tochka zapadnogo impulsa [The Scythians Horse Harness in the Forest-Steppe of Southern Cis-Urals: The End Point of the Western Impulse]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 31-52.
- Savchenko E.I., 2004. Vooruzhenie i predmety snaryazheniya naseleniya skifskogo vremeni na Srednem Donu [Weapons and Equipment of the Population of the Scythian Time on the Middle Don]. *Arheologiya Srednego Dona v skifskuyu epohu* [Archaeology of the Middle Don in the Scythian Era]. Moscow, IA RAS, pp. 151-277.
- Savchenko E.I., 2009. Snaryazhenie konya skifskogo vremeni na Srednem Donu kak arheologicheskij istochnik [The Equipment of the Horse of the Scythian Period at the Middle Don as an Archeological Source]. *Arheologiya Srednego Dona v skifskuyu yepohu* [Archaeology of the Middle Don in the Scythian Age]. Moscow, IA RAS, pp. 221-325.

- Sirotnin S.V., 2010. Kurgan № 11 kurgannogo mogil'nika Perevolochan v Zaural'skoy Bashkirii [Kurgan no. 11 of the Burial Mound of Perevolochan in the Trans-Ural Bashkiria]. *Arkheologiya i paleoantropologiya Evraziyskikh stepey i sopredel'nykh territoriy* [Archeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories]. Moscow, Taus Publ., pp. 323-337.
- Sirotnin S.V., 2013. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh v Hajbullinskom rajone Respubliki Bashkortostan v 2013 g. [Report on Archaeological Research in the Khaibullinsky District of the Republic of Bashkortostan in 2013]. *Arhiv IA RAN*. 184 p.
- Sirotnin S.V., 2014. Pogrebal'nye pamyatniki Zaural'skoy Bashkirii [Funerary Monuments of Trans-Ural Bashkiria]. *Nauchnye ekspeditsii RGNF* [Scientific Expeditions of RGNF]. Moscow, RHSF, pp. 149-150.
- Sirotnin S.V., 2015. Predmety konskoy sbrui iz nasypye kurganov rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala (po materialam raskopok 2008–2013 godov) [Items of Horse Harness from Mounds of Mounds of Early Nomads of the Southern Urals (Based on Excavations from 2008–2013)]. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale: materialy VI Vseros. nauch. konf.* [Ethnic Interactions in the Southern Urals. Materials of the VI All-Russian Scientific Conference]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Museum of Local Lore, pp. 247-256.
- Sirotnin S.V., 2015a. Ohrannye issledovaniya na mogil'nike «Ivanovskie I kurgany» v 2013–2014 godah [Security Excavations at the Kurgan Cemetery “Ivanovskie I Kurgany” in 2013–2014]. *Izvestiya Arheologicheskogo obshchestva Respubliki Bashkortostan* [News of the Archaeological Society of the Republic of Bashkortostan], iss. 1 (2). Ufa, Center «Nasledie», pp. 18-19.
- Sirotnin S.V., 2016. Ob otnositelnoy khronologii i datirovke mogil'nika Perevolochan I [On a Conventional Chronology and Dating of the Perevolochan I Burial]. *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennyye problemy sarmatskoy arkheologii: materialy IX Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii», posvyashch. 100-letiyu so dnya rozhdeniya Konstantina Fedorovicha Smirnova: sb. st.* [Konstantin Fedorovich Smirnov and Modern Problems of Sarmatian Archaeology. Materials of the IX International Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History” Dedicated to the 100th Birthday of Konstantin Fedorovich Smirnov: Digest of Articles]. Orenburg, OSU, pp. 253-264.
- Sirotnin S.V., 2017. Khronologiya i planigrafiya kurgannogo nekropolya Ivanovskie I kurgany v Zaural'skoi Bashkirii [Chronology and Planigraphy of Ivanovskie I Barrows Barrow Necropolis in the Trans-Ural Bashkiria]. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Sarmaty i ikh okruzhenie: materialy VII Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf.* [Ethnic Interactions in the Southern Urals. Sarmatians and their Environment. Proceedings of VII All-Russian (with International Participation) Scientific Conference]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Museum of Local Lore, pp. 132-139.
- Sirotnin S.V., 2017a. Pamyatniki V–IV vv. do n.e. Zaural'skoy Bashkirii v kontekste transformatsii kul'tury rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [Monuments of the V–IV centuries BC of Trans-Ural Bashkiria in the Context of the Transformation of the Culture of the Early Nomads of the Southern Urals]. *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arheologicheskogo s'ezda v Barnaule – Belokurihe* [Proceedings V (XXI) of the All-Russian Archaeological Congress in Barnaul – Belokurikha], vol. 2. Barnaul, AltSU, pp. 56-60.
- Sirotnin S.V., Treister M.Yu., 2014. Pogrebenie s blizhevostochnymi (?) i central'no-aziatskimi importami iz kurgana Yakovlevka II [Burial with Near Eastern (?) And Central Asian Imports from the Barrow-Mound Yakovlevka II]. *Sarmaty i vneshniy mir: materialy VIII Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Sarmatians and the Outside World: Proceedings of the VIII All-Russian (with International Participation) Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History”]. The Ufa Archaeological Herald, iss. 14. Ufa, IHLL USC RAS, Center “Nasledie”, pp. 207-217.
- Sirotnin S.V., Bogachuk D.S., Okorokov K.S., 2018. Kurgannaya gruppa «Bogatyrskiye mogilki» № 4 (Orenburgskaya oblast. Orenburgskiy rayon) [Kurgan Group “Bogatyrsky Mogilki” no. 4 (Orenburg Region, Orenburg District)]. *Goroda, selishcha, mogilniki. Raskopki 2017. Materialy spasatelnykh arheologicheskikh issledovaniy* [Cities, Villages, Cemeteries. Excavations 2017. Materials of Rescue Archaeological Research], vol. 25. Moscow, IA RAS, pp. 334-339.
- Sirotnin S.V., Bogachuk D.S., Gilmitdinova A.H., Okorokov K.S., 2019. Osobennosti pogrebal'nykh konstruksiy i planigraficheskaya organizatsiya nekropolya Filippovka 1 [The Particulars of Burial Structures and Planigraphic Organization of the Cemetery Filippovka 1]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – V v. n.e.). V. Materialy X Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400). V. Proceedings of the 10th International Research Conference «The aspects of Sarmatian Archeology and History»]. Simferopol, Salta LTD Publ., pp. 234-243.

- Sirotin S.V., Bogachuk D.S., Okorokov K.S., 2020. Filippovskie paralleli v pogrebal'nom obryade bol'shikh kurganov nekropolya «Vysokaya Mogila – Studenikin Mar» [Parallels from Filippovka in the Funeral Rite of Large Mounds of the “Vysokaya Mogila – Studenikin Mar” Necropolis]. *Rannie kochevniki Yuzhnogo Urala i Nizhnego Povolzh'ya: materialy kruglogo stola «Arheologiya rannih kochevnikov evraziyskoy stepi: aktual'nye problemy i perspektivy ih resheniya». K yubileyu d-ra ist. nauk M.G. Moshkovoy* [Early Nomads of the Southern Urals and the Lower Volga Region. Materials of the Panel Discussion “Archaeology of the Early Nomads of the Eurasian Steppe: Current Problems and Prospects for Their Solution”. To the Anniversary of M.G. Moshkova]. Moscow, MAKS Press Publ., pp. 203-217.
- Skripkin A.S., 1990. *Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt* [Asian Sarmatia. Problems of Chronology and Its Historical Aspect]. Saratov, Saratov University. 299 p.
- Smirnov K.F., 1961. Vooruzhenie savromatov [Sauromatian Armament]. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, no. 101. Moscow, AS USSR. 161 p.
- Smirnov K.F., 1964. *Savromaty (rannyyaya istoriya i kul'tura sarmatov)* [Sauromats (Early History and Culture of the Sarmatians)]. Moscow, Nauka Publ. 376 p.
- Smirnov K.F., 1981. Bogatye zahoroneniya i nekotorye voprosy sotsialnoy zhizni kochevnikov Yuzhnogo Priuralya v skifskoe vremya [Rich Burials and Some Issues of the Social Life of the Nomads of the Southern Urals in the Scythian Period]. *Materialy po hozyaystvu i obshchestvennomu stroyu plemen Yuzhnogo Urala* [Materials on the Economy and Social Structure of the Tribes of the Southern Urals]. Ufa, IHLL BBAS USSR, pp. 68-90.
- Smirnov K.F., Petrenko V.G., 1963. *Savromaty Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya* [Savromats of the Volga Region and the Southern Urals]. Moscow, Nauka Publ., 40 p., 30 tabl.
- Tairov A.D., 2014. Sozhzhenie kak rezul'tat ogrableniya (po materialam Yuzhnogo Zaural'ya) [Burning as a Result of Robbery (Based on the Materials of the Southern Trans-Urals)]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arheologicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan], vol. 2. Kazan, Otechestvo Publ., pp. 241-243.
- Tairov A.D., 2018. Yuzhnoural'skie zerkala s valikom po krayu diska rannesarmatskogo vremeni [South Ural Mirrors with a Roller on the Edge of the Disk of the Early Sarmatian Time]. *«Margulanovskie chteniya – 2018. Duhovnaya modernizatsiya i arheologicheskoe nasledie»: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (19–20 aprelya, 2018)* [“Margulanov Readings – 2018. Spiritual Modernization and Archaeological Heritage”. Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference (April 19–20, 2018)]. Almaty, Aktobe, A.H. Margulan Institute of Archaeology, pp. 349-354.
- Tairov A.D., 2020. Muzhskie voinskie pogrebeniya kurgana 3 mogil'nika Kichigino I [Male Warriors' Burials from the Kurgan 3 of Necropolis Kichigino I]. *Arheologicheskoe nasledie* [Archaeological Heritage], no. 1 (3), pp. 182-196.
- Fedorov V.K., 2008. O datirovke 1–4 prokhorovskikh kurganov [On the Dating of 1–4 Prokhorov Kurgans]. *Ufimskiy arheologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], no. 8, pp. 69-90.
- Fedorov V.K., 2013. Kostyanye lozhechki v kolchanah rannih kochevnikov [Bone Spoons from Early Nomad Quivers]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 4, pp. 44-61.
- Fedorov V.K., 2018. Bronzovye kolesiki v pogrebeniyah rannih kochevnikov [Bronze Wheels in the Burials of Early Nomads]. *Arheologiya rannih kochevnikov Evrazii* [Archaeology of Early Nomads of Eurasia]. Samara, “Knizhnoe izdatel'stvo” Publ., pp. 22-40.
- Fiziko-geograficheskoe rayonirovanie Bashkirskoy ASSR*, 1964 [Physical and Geographical Zoning of the Bashkir ASSR]. Ufa, BashSU. 210 p.
- Yablonsky L.T., 2008. Novye raskopki Filippovskogo mogil'nika i problema formirovaniya rannesarmatskoy kul'tury Yuzhnogo Priural'ya [New Excavations of the Filippovskiy Burial Ground and the Problem of the Formation of the Early Sarmatian Culture of the Southern Urals]. *Ranniye kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona: materialy Mezhdunar. nauch. konf. «Ranniye kochevniki Yuzhnogo Priural'ya v svete noveyshikh arkheologicheskikh otkrytiy», g. Orenburg, 21–25 aprelya 2008 g.* [Early Nomads of the Volga-Ural Region. Materials of the International Scientific Conference “Early Nomads of the Southern Urals in the Light of the Latest Archaeological Discoveries”, Orenburg. April 21–25, 2008]. Orenburg, OSU, pp. 170-177.
- Yablonskiy L.T., 2013. *Zoloto sarmatskikh vozhdov. Elitnyy nekropol' Filippovka I (po materialam raskopok 2004–2009 gg.). Katalog kolleksii* [Gold of Sarmatian Chiefs. Elite Necropolis Filippovka I (According to the Excavations of 2004–2009). Catalog of Collection], book 1. Moscow, IA RAS. 232 p.

Information About the Author

Sergey V. Sirotin, Candidate of Sciences (History), Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117036 Moscow, Russian Federation, sirotinsv70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9394-0779>

Информация об авторе

Сергей Викторович Сиротин, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117036 г. Москва, Российская Федерация, sirotinsv70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9394-0779>